

18+

Владимир

Сенчихин

Первое
правило дуэли

Владимир Сенчихин
Первое правило дуэли

«Издательские решения»

Сенчихин В.

Первое правило дуэли / В. Сенчихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980841-7

В советском Крыму исчезает москвичка Наташа Верочкина — студентка Литинститута. Милиция разводит руками. К поискам возлюбленной подключается бурильщик Семен Сапожников. Он не догадывается, что ему противостоит главарь банды, которая грабила сберкассы в разных регионах СССР. У некоторых героев книги есть реальные прототипы.

ISBN 978-5-44-980841-7

© Сенчихин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Лебеди в пруду	6
Сторожевой костер	16
Африканский обед	25
Изнанка аромата	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Первое правило дуэли

Владимир Сенчихин

Редактор Ирина Колычева

© Владимир Сенчихин, 2020

ISBN 978-5-4498-0841-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Лебеди в пруду

В конце июня отдыхающих в Саках стало намного больше, чем местных жителей. Когда малиновое око солнца клонилось к горизонту, в город вторгся странный автомобильный караван. В авангарде шествовал желтолобый КамАЗ, тащивший длинный голубой вагон, который напоминал бытовку строителей. За ним следовали бортовые грузовики с разнокалиберными прицепами, мозолила глаза бочка на колесах с надписью «Пиво» на боку.

Праздношатающиеся отдыхающие с недоумением тарасились на оглушительно ревущие машины, изумлялись и местные жители: грузовое движение в этой части города запрещено. Замыкал колонну МАЗ с непонятным оборудованием на платформе и металлической мачтой, торчащей над кабиной, подобно рогу жуткого чудовища.

Гул последней машины, жадно чадающей недогоревшим топливом, растворялся в вечерней прохладе. Благообразный старичок, прочихавшись, назидательно заметил, обращаясь к своей очаровательной спутнице:

– За городом голые степи, гуляй – не хочу, а они объездную дорогу за десятки лет построить не удосужились.

– Ты о чем, дедушка? Они – это кто?

– Тебе понравилась эта кавалькада?

– Ну, приехали, значит, кому-то нужно.

– Ты в этом уверена?

– По-другому и быть не может. Сам подумай. Зачем загонять прорву техники в центр города?

– А я сомневаюсь! – запальчиво воскликнул старик.

– Дедушка, ты не исправим, – улыбнулась Наташа и чмокнула его в щеку. – Во всем видишь заковыки. Глянь, какой замечательный закат.

Еремей Петрович, мельком взглянув на угасающее светило, с неудовольствием отметил, что завтрашний день, скорее всего, будет таким же жарким и душным, как и сегодняшний. От намеченной поездки в питомник Сакского охотхозяйства, пожалуй, лучше отказаться. Хоть и недалеко, да вот незадача – сердце прихватывает. Наташа расстроится. Больно хочется ей поглазеть на диких кроликов, живущих в норах. Грызунам раздолье, они лихо размножаются и не боятся людей. Все-таки молодчина Алексей Иванович Воропаев, когда стал начальником Сакского общества охотников и рыболовов, питомник и расцвел. От давнишнего приятеля по московскому университету Еремей Петрович такой предприимчивости не ожидал. Отменное пушное хозяйство наладил. И лис разводит, и нутрий, и ондатр, даже фретки прижились. При прежнем руководителе, пьянице и ворюге, даже кроликов едва не извели. Вначале, как водится, районное начальство истово отмечало тостами очередные достижения, а потом хваталось за ружья и открывало пальбу по беззащитным зверькам. Хотя стрелки попадались никудышные, промахнуться с близкой дистанции было мудрено. Питомник год от года хирел, стали поговаривать о ликвидации. Может, действительно извели бы под корень, но случилась беда: глава общества в феврале явился на пляж, разделся до трусов и полез купаться. Будучи превосходным пловцом, неожиданно утонул. Злые языки поговаривали, что напился в зюю. Еремей Петрович склонялся к мысли, что просто сердце не выдержало: холодовой шок – коварная штука.

Кролики, умея разговаривать, даже зная, что Воропаев страстный охотник, наверняка бы подняли все лапы за его кандидатуру. К ружью Алексей Иванович пристрастился в Сибири,

куда попал по распределению после окончания университета. Прожил там сорок с гаком лет, а в родной город вернулся после того, как вышел на пенсию и осиротел: сначала умерли жившие в Саках родители, от которых ему по наследству достался частный домик, затем скончалась жена – тромб закупорил сосуд. Детьми они так и не обзавелись.

Воропаев вначале хотел продать домик родителей, покупатель нашелся, предлагал за старенькое строение приличную сумму, но Еремей Петрович убедил сокурсника переехать в Крым.

– Сам признался, что пока не встанешь и не расходишься, выть от боли в суставах хочется. Вот и лечись здесь, а не в Иркутске. Далась тебе городская квартира, куковать одному в железобетонной клетушке муторно. А тут огородик, выращивай что хочешь. Работу, если невтерпеж, я тебе найду.

Еремея Петровича беспокоило, что с Крымом приятель срастается тяжело, угнетают слякотные зимы и отсутствие снега. К суровым холодам Алексей настолько привык, что впадал в хандру, тоскуя по лохматым снегопадам и пронзительным метелям. Пуще всего тяготило отсутствие тайги.

– Крым – пародия на охоту, – в сердцах выговаривал Воропаев. – То ли дело Красноярский край. Я подсчитал, что в нем помещается почти девяносто таких регионов как Крым.

– Да хоть двести, – возражал Еремей Петрович. – Много ли надо для счастья? Своя хата и любимое занятие.

– Тебя послушать, человеку достаточно клочка земли метр на два.

– Это в лучшем случае. Радуйся, если не спалят в крематории. В Саках, к твоему сведению, такого заведения нет, а в Симферополе строят. Ты уперся в охоту, будто других развлечений нет. Неужели до сих пор не понял: охота – атавизм. Пройдет лет пятьдесят и на земле не останется ни одного уголка, где можно бесплатно побродить с ружьем. За такую прихоть придется раскошелиться.

– Издеваешься? – негодовал Алексей Иванович. – По-твоему, все охотники сплошь и рядом рвачи? Конечно, жулье попадает, без него никак. Охота – не прихоть обрастающих жирком горожан. Мало-мальски вменяемый охотник рвется в поле или в тайгу не ради мяса. Охота самодостаточна и тот, кто увлекается ею всерьез, палить направо и налево не станет. В ней главное азарт, может, самопостижение. То, что тебя раздражало, становится мелким и несущественным. Ты об этом не знаешь, но Катя ревновала меня к тайге. Не знаю почему. Ей, должно быть, казалось, что если на весах расположить семью и охоту, вторая перевесит. Глупости, конечно, но от этого никуда не денешься. Бывало, собираю рюкзак, она сидит за столом, пригорюнившись, будто расстаемся навсегда. Иногда спохватывается, спрашивает, например, упаковал ли спички в резиновые шарики. Или предлагает еще один свитер, будто без него простужусь. Когда выходил из квартиры, не провожала. Считала проводы дурной приметой. Знаешь, из-за охоты я чувствовал себя каким-то ущербным. Мужики обычно копили деньги, уходили в отпуск летом, катили к морю с женами и детишками. А я, как ненормальный, ждал зимы, чтобы отправиться в любимое зимовье. Крохотная избушка, сработанная из бревен лиственницы и покрытая толем. Туристы ее периодически грабили, пришлось приноровиться. Перед отъездом выставлял рамы, снимал дверь и деревянные полки, демонтировал железную печурку, которую по моему заказу изготовили из толстенной трубы большого диаметра. Недалеко от зимовья нашел пещерку, куда и стаскивал добро. Стыдно признаться, но нигде я не чувствовал себя таким счастливым, как в тайге. Бывало, выйду поутру из зимовья, мороз под сорок, лиственницы потрескивают. Легкий мандраж, слух обостряется до такой степени, что треск попавшего под ногу валежника воспринимается как выстрел. Годы – побоку. Туда же болячки. Прицеливаюсь, затаив дыхание, чтобы не спугнуть дичь. Палец сливается с курком, сжимаю его медленно, кажется, этому не будет конца. Нервы превращаются в хрупкую жилку, вот-вот порвется. Выстрел. Оглушительный, бьющий по ушам подобно близкому грому. Тол-

чок в плечо. Не промахнулся. Хоть и стал подслеповат, грузен, неуклюж, нет той реакции, как в молодости. Опускаю ружье, вытираю пот с лица, долго жмурюсь от яркого солнца. Стою и чувствую, как капля за каплей покидает меня все наносное: зависть, злоба, ненависть, стремление казаться лучше, чем я есть.

– Опять за свое! – сердился Еремей Петрович. – Забудь про охоту. В клетках можно вырастить столько пушнины, сколько нужно. А соболей пусть добывают профессионалы. Только в разумных пределах. А от холода и бараний тулуп согдится.

Наташа в их споры не вмешивалась. Тихонько наблюдала за стариками и удивлялась, как им удалось сохранить боевой пыл. Воропаев – высокий и грузный. Передвигается неторопливо, как бы с лентой, однако угнаться за ним решительно невозможно. В людях ценит основательность и солидность. Когда сердится, краснеет, смешно надувает щеки, возмущенно фыркает и покашливает, с демонстративным шумом прочищая горло.

Еремей Петрович – сухонький, низенький, с непропорционально длинными руками, разволновавшись, бледнеет, вскакивает на ноги, мечется по комнате, оживленно подергивая себя за кургузую бородку. Дедуля – торопыга, каких поискать, встает ни свет ни заря, внучку не будит, но когда она просыпается, всем видом показывает, что осуждает привычку подолгу валяться в постели.

Неужели дедушка не понимает, что утренний сон – самый сладкий. Не нужно бежать на пары в институт и втискиваться в битком набитый троллейбус. Стоять в обжимку с угрюмыми людьми, вставшими спозаранку, морщиться, ощущая их сумрачную покорность трудовому графику, гадать, сможет ли выйти на остановке или придется пару кварталов возвращаться пешком. Она приехала в Саки, чтобы забыть о столичной круговерти. Но тут неугомонный дед взял ее в оборот, каждый день предлагает куда-нибудь скататься. То в соседнюю Евпаторию, где находятся полуразрушенные караимские кенасы, то в Симферополь к развалинам Неаполя Скифского. Ее это утомляет, но сказать дедушке, что исторические руины поднадоели, совестно. Да и кроликами, положила руку на сердце, она не шибко интересуется. Ну, живут себе в норах, эка невидаль. Когда дедуля виновато признался, что с завтрашней поездкой, видимо, ничего не получится, Наташа, взглянув на его доброе печальное лицо, подавила улыбку. Вместе того, чтобы честно признаться, что с радостью променяет кроликов на пляж, ласково успокоила:

– Не расстраивайся. У нас еще июль и почти весь август впереди.

***

Колонна тяжелых грузовиков, миновав центр города, свернула на узкую улицу. Остановилась на маленькой площади у старинного помпезного особняка, украшенного высокими ребристыми колоннами. Передовой КамАЗ дернулся, как стреноженный конь, зашипел тормозами и заглох. Из кабины выбрались буровой мастер Алексей Чернихин, одетый в полосатую рубашку с пятнами пота под мышками, и бурильщик Андрей Мореный по прозвищу Лохматый. Голый по пояс, он стоял нетвердо, раскачиваясь, как маятник Фуко, ибо успел по дороге опорожнить две бутылки вина «Голубая долина», прозванного в народе «Долиной смерти» за отвратительный вкус и убойную хмельную силу. Лохматым его прозвали из-за густой иссиня-черной шевелюры – жесткие курчавые волосы не поддавались расческе и торчали дыбом. Андрей смахивал на цыгана: смуглая кожа, нос с легкой горбинкой и завораживающие угольные глаза, пронизывающие собеседника насквозь. «Знаю, что украл обсадные трубы, а глядит с такой невинностью, будто не он, а я их стибрил», – жаловался, бывало, Чернихин жене на лучшего в бригаде бурильщика.

Бурового мастера окружили водители грузовиков. Они перегнали прицепы и возжелали вернуться к ночи в Симферополь. Алексей Петрович мог бы напомнить, что рабочий день

у них ненормированный, за что и получают доплату, но отпустил шоферюг с легким сердцем. Бригадный водитель водовозки дотащит прицепы куда нужно.

К Чернихину подтянулись подшефные – второй бурильщик Сергей Тювелев и помбуры Антон Горелый и Степан Сазонов.

– Куда станок ставить? – поинтересовался Лохматый.

Не в силах справиться с окаменевшей шеей, застуженной в дороге, он повернулся к Чернихину всем туловищем.

– Пошли, покажу.

Миновав особняк, они свернули в узкий проулок. Слева ютились одноэтажные убогие хибарки местных жителей, а справа до конца улочки тянулась высокая ограда из ракушечника. За нею виднелась кипучая зелень сквера. Для отдыха горожан он явно не предназначался: на широких железных воротах висел большущий старинный навесной замок.

– Надо же, такой и фомкой не сковырнешь, – уважительно оценил Лохматый.

– От таких ловкачей, как ты, смастерили, – усмехнулся Чернихин.

Ключом замысловатой формы бурового мастера снабдили еще в Симферополе. Выудив его из кармана брюк, Чернихин без труда справился с замком. Распахнув скрипучие крылья ворот настезь, бурильщики двинулись по широкой асфальтированной аллее, на полпути обнаружили клумбу с цветами. В центре торчала скульптура из белого камня: мальчик с галстуком на груди, уперев левую руку в бок, прижимал к губам горн. Будил пионеров. Неизвестный скульптор постарался – вдохновленный восходом солнца горнист понимал, какую трудную задачу выполняет: мало найдется пионеров, готовых ранним утром оторваться от подушки.

– Где бурить будем? – поинтересовался подоспевший Тювелев.

– Здесь, – указал Чернихин на середину клумбы.

– А горнист?

– Не переживай, завтра уберут.

– Ого! Здесь и озерко есть! – раздался из-за деревьев удивленный голос Лохматого.

Махонький пруд, метров пятнадцать в диаметре, с невысокой оградой из красного кирпича, для купания не предназначался. По тихой антрацитовый воде неслышно скользили два лебедя. Вероятно, ручные. Один из них, увидев людей, подплыл поближе. Замер, кокетливо наклонив голову.

– Цыпа-цыпа, – Лохматый наклонился и, потеряв равновесие, с шумом плюхнулся в воду.

Испуганный лебедь, взмахнув крыльями, мигом оказался на противоположной стороне. Пруд оказался глубоким. Лохматый, не умеющий плавать, отчаянно замахал руками, погрузился в воду с головой. Товарищи хохотали и ничего не предпринимали для его спасения. Чернихин, упав животом на ограду, ухватил потенциального утопленника за рубашку, с трудом вытащил на сушу.

– Я тебя уважаю, но ты меня достал, – обозлился мастер.

Купание пошло Лохматому на пользу: слегка протрезвев, он ходил за Чернихиным и заискивающе заглядывал в глаза. Пока устанавливали жилой вагон, выбрав для него свободное от растительности место, и подключали к нему от ближайшего столба электрический кабель, солнце окончательно простилось с Крымом.

– Ладно, остальное завтра закончим, – объявил Чернихин.

Из всех прицепов, которые круглый год таскает по Крыму бригада, самый примечательный – жилой вагон, временное пристанище бурильщиков. В нем два отсека, их называют по-морскому кубриками, в каждом по два окна. Посредине, сразу за входной дверью, небольшое помещение, где стоит чугунный котел, питающийся углем и дровами, здесь же к боковой стенке прикреплен эмалированный рукомойник. В левом кубрике пять односпальных панцирных кроватей: четыре для членов буровой бригады и одна для водителя-водовоза. Правый кубрик называется штабным, здесь три кровати, большой стол и двухстворчатый деревянный

шкаф для одежды, в углу, на деревянной полочке, зеленый металлический ящик, в котором под замком хранится рация.

Поскольку часть пути пришлось на проселочную дорогу, от дикой тряски многие вещи в вагончике сдвинулись и попадали. Наведя порядок в жилых помещениях, бурильщики решили перекусить. Поужинать собирались в штабном отсеке, но водитель водовозки запротестовал.

– Мужики! Цельный день как в бане, сколько можно? Давайте на свежем воздухе посидим.

– А свет? – поинтересовался Чернихин.

– Неужели патрона, лампочки и куска провода не найдем?

Все необходимое отыскалось. За десятки лет хозяйство любой буровой бригады разрастается, напоминая сусеки рачительного хозяина, который ничего не выбрасывает, понимая, что любая бесполезная на первый взгляд железка когда-нибудь да пригодится.

Меж двух высоченных тополей на застланной газетами земле устроили шведский стол на русский лад. Каждый выложил все, что прихватил из дому. Еды хватало: прожаренная в духовке курица, килька в томатном соусе, подтаявшее сало, жареная ставрида, плавленые сырки, и даже вынырнувший с номенклатурного склада консервированный лосось. Импровизированный стол украшали алые помидоры, темно-зеленые перья лука и оранжевая размазня кабачковой икры.

В управлении гидрогеологических работ, именуемом работягами «Угаром», день прибытия на точку традиционно считается праздничным. Потом сплошняком идут унылые будни. Буровой агрегат, способный углубиться на глубину более пятисот метров, после установки на точку работает круглосуточно. Режим – закачаешься: одна вахта торчит неделю «в поле», а другая семь дней гуляет дома. По сравнению с работягами на заводах, бурильщикам не нужно спросонья переться на производство. Открыл глаза – и ты на работе. В поле никаких контролеров, буровой мастер, руководящий бригадой, приезжает редко, поскольку полевые не получают. Если по рации звучит заведомо невыполнимый приказ, сразу почему-то пропадает слышимость. Может приехать разгневанный геолог и пригрозить всевозможными карами за своеобразие, но после долгих и утомительных переговоров все равно согласится, что можно слегка подкорректировать проект. В вахте – два бурильщика и столько же помощников. Работают посменно. Хотя бурильщики официально равноправны, один из них, самый опытный, по всеобщему согласию считается старшим.

Смены на буровой делятся по двенадцать часов. Рабочий день для дневной начинается в восемь и заканчивается в двадцать. После заслуженного ужина бурильщики ныряют в кровати и засыпают под убаюкивающий гул дизеля. Бурильщик, простоявший всю ночь за рычагами агрегата, и его помощник, наращивающий буровые штанги, отсыплются днем. Кают-компанией служит отдельный прицеп, представляющий собой передвижную кухню. Чернихинцы стены своей внутри отделали проолифленными деревянными дощечками. Благодаря этому в помещении даже в пасмурный день светло и уютно. Здесь есть четырехконфорочная газовая плита, питающаяся от баллона, размещенного снаружи в железном ящике, древний холодильник, массивный деревянный стол и две скамейки. В отличие от нефтяников, гидрогеологам кухарка не полагается, поэтому еду готовят свободные от вахты члены бригады. Во время аврала готовкой занимается водитель водовозки. Шоферят в «Угаре» в основном солидные мужики, наколесившие не одну тысячу километров, они ярые враги сухомятки, умеют готовить быстро и вкусно.

«Столичную» взялся разливать Лохматый, лучше его поделить водку по справедливости не мог никто. Процесс тонкий и ответственный. Лохматый, прищурившись, на всякий случай мысленно пересчитал участников вечерней трапезы. Вся шестерка в сборе. Лучше добровольно утопиться в пруду, чем кому-то недолить. Решительно открутив пробку, приступил к священ-

нодействию. Разливал мастерски, резко опрокидывал бутылку горлышком вниз и умело возвращал в исходное положение.

Выпили за будущую скважину, чтобы обошлось без аварий, и город получил питьевую воду. После первой стопки народ оживился. Тювелев удовлетворенно пошлепал себя ладошками по оголенному животу и заявил:

– Хороша, зараза!

– Люблю беленькую, – поддержал его Степан Сазонов, – не сравнить с винищем. Наберешься, а по утрянке такой облом, что жить не хочется.

– Подумать только! – с горечью воскликнул водитель водовозки. – Когда-то два восемьдесят семь стоила. В каждой чайной разливали. Принял на грудь наркомовские сто граммов и по газам.

– Ладно вам, завелись, – Чернихин указал Лохматому на пустые стопки, – посуда простаивает.

Ручеек общей беседы начал постепенно распадаться, появились ораторы и нетерпеливые слушатели.

– А чего это нас в парк запихнули? Другого места не нашлось? – поинтересовался Тювелев.

– Местный водоканал напортачил, – объяснил Чернихин. – Воду в город подают из скважин. На одной из них, самой производительной, электрический насос сгорел. Пригнали кран, начали его поднимать, но крановщик никогда этим делом не занимался. Трос оборвался, насос рухнул и застрял на глубине. Сколько ни бились водопроводчики, так его и не достали. Местные князьки заметались. Тык-мык, если оставить полгорода без питьевой воды, да еще в курортный сезон, из кресел пулей вылетят. На их счастье наша «кормилица» освободилась. Согласовать проект новой скважины с городскими службами не успели. Вот и загнали под бочок комсомола.

– Какого еще комсомола? – удивился Тювелев.

– Ленинского. Домик с колоннами – райком комсомола. Тебе-то какая разница, где дырку сверлить? Метры давай. Ударный труд пообещали оплатить по двойному тарифу.

Водка закончилась быстро, никто не понял, как такое могло произойти. А ведь по пути в Саки купили три бутылки. Ребята приуныли. В конфузе виноватым считали бурового мастера: ввел лимит на спиртное и не позволил закупить больше нормы, обозначенной им еще до отъезда. Члены бригады искоса поглядывали на Чернихина, но высказать вслух претензии не решались. Петрович – мужик покладистый, справедливый, но нарушителю дисциплины мог при случае и в физиономию заехать. Правда, когда налетала коса на камень, руки старался не распускать, уничтожал возбудителя спокойствия sacramентальной фразой: «Екарный бабай. Вытри сопли. Бурильщик – не профессия, а образ жизни. Не нравится – вали, куда хочешь».

По мнению, Чернихина, настоящий бурильщик должен чувствовать земные пласты, как женщин, отдающихся только тем мужчинам, которые проявляют силу, изобретательность и упорство. Подземная твердь коварна и непредсказуема. Мало ли что нарисовали геологи. Во время проходки закладывает уши от какофонии звуков: обиженно ревет запущенный на полную мощь дизель, оглушительно чавкает насос, закачивающий буровую жидкость в скважину, истерически дребезжит платформа. Опытный бурильщик должен улавливать мельчайшие оттенки, дабы вовремя выключить ротор.

Чернихин с удовольствием запретил бы праздничные гулянья, но против укоренившихся традиций не попереш. Некоторые бурильщики могли выпить бутылку водки в один присест, встать наутро без малейших признаков похмельного синдрома. Но таких богатырей мало.

Приняв нормативную дозу спиртного, мастер расслабился. Он слегка гордился собой: во время передислокации прицепа не растерял, буровая установка прибыла на точку своим ходом, что удивительно, учитывая ее старческий возраст. А вот Лохматый подкузьмил. Когда

успел нахлебаться винища, непонятно. Сидел же в МАЗе рядом. А если бы утонул по пьяной лавочке? Как пить дать уголовное дело завели бы. Выгнать разгильдяя – себе дороже. Такого бурильщика нефтяники враз утянут, мастерство нарабатывается годами и тяжким трудом. Посматривая на захмелевших подчиненных, Чернихин им слегка завидовал. Что бы ни случилось – обрыв буровой штанги, искривление скважины, отсутствие солярки или бентонитовой глины, – виноват буровой мастер. Не уследил, не учел, не предусмотрел. Каждая скважина, подобно флюсу, мучила его и днем, и ночью. Если бурение проходило в штатном режиме, он оставался в Симферополе, руководил по рации. Когда случалась авария или бурильщик наткнулся на породу, о которой геологи забыли упомянуть, приходилось выезжать в бригаду. Сегодня можно расслабиться. Впрочем, беспокоил Степка. С чего вдруг его физиономия залоснилась, будто натерли салом? Вахта Лохматого добропорядочностью не отличалась. Где бы буровая ни появлялась, местные жители неизменно жаловались Чернихину на мелкие кражи. У одних из погребов пропадали закатки, у других выкапывали картошку, у третьих бесследно исчезали куры. Лохматый божился, что его орлы ни при чем. Верилось с трудом.

Степа встал, кивнул Горелому.

– Куда лыжи наострили? – забеспокоился Чернихин.

– Щас придем. Одна нога здесь, другая – там.

– Где это там, хотелось бы знать?

– У него здесь тетка живет, – пришел на выручку Тювелев, – родная.

– Хватит лапшу на уши вешать! – рассердился Чернихин. – Чтобы через полчаса копыта откинули. С утреча станок на точку ставить.

Даже в поле Алексей Петрович привык ложиться спать сразу после программы «Время». В семь утра заглядывал в кубрик подчиненных и зычно объявлял: «Подъем, нематоды». Что означает это слово, он не знал, да и не имел охоты выяснять. Если бы ему объяснили, что это паразиты, включая обычных глистов, он бы возрадовался собственной прозорливости. Бурильщики просыпались тяжело, выныривали из сновидений с таким усилием, будто к ногам привязаны пудовые гири. Чернихин, коварно улыбаясь, выслушивал невнятные бормотания и нецензурную брань. С отеческой жалостью наблюдал, как бурильщик и помбур, продрав глаза, путаются в штанинах, проклиная очередную каторжную смену.

Буровой мастер взглянул на часы. Ого. Начало двенадцатого. Он непроизвольно зевнул, объявил, что пора на боковую. Завалившись в постель, вспомнил, что дизельного масла осталось с гулькин нос, надо выйти на связь и попросить, чтобы прислали с оказией.

Чернихину сны являлись в черно-белом варианте. Жена просматривала их в цвете, что его слегка озадачивало. Она над ним посмеивалась.

– Счастливый ты человек, Леша, – говаривала супруга. – Из таких людей не гвозди нужно делать, а железнодорожные рельсы. Мне на работе настроение испортят, полночи не сплю, переживаю, прокручиваю варианты, где оплошала. Проснусь злая как пантера, жить не хочется. А ты невозмутим, как баобаб.

Алексей Петрович и в самом деле старался неприятности близко к сердцу не принимать, но относительно его непробиваемости жена ошибалась. Буровой мастер – мальчик для битья. Он понял это давно, но устроиться в более спокойную контору мешали два обстоятельства: приличная зарплата и опасение, что на новом месте будет хуже, чем на старом. До «Угара» именно так и случалось.

То ли от спиртного, то ли от перемены обстановки в эту ночь Чернихину впервые приснился цветной сон, дикий и несуразный. Расставив руки, он, подобно планеру, парил над горной долиной, изрытой карстовыми воронками. Ладони превратились в элероны летательного аппарата, при малейшем их повороте Алексей Петрович срывался вниз или резко набирал высоту. Приспособившись, Чернихин слегка опустил правую руку, в глаза ударило солнце. Он прокрутился вокруг оси несколько раз, пока не догадался вернуть руку в прежнее положение.

Впервые ощутил сопричастность к птицам: куда хочу – туда лечу. Приказы и распоряжения, сыпавшиеся на его голову из рации на буровой, или из уст начальников, в кабинеты которых его периодически вызывали, сейчас ничего не значили. Он парил, как коршун, освободившись от земных тягот. Чернихин разглядел знакомую буровую и расположенные обочь вагончики. Наклонив обе ладони, спикировал и... оказался в штабном отсеке. Сидя за столом, изучал разрез будущей скважины. Себя буровой мастер видел как бы со стороны. Открылась дверь, вошел Лохматый. Волосы стояли дыбом, щетина дымилась, в кубрике запахло жженой шерстью.

– Говорил, Петрович, угробим станок. А ты не верил. Глянь, что творится.

За окнами потемнело, сверкнула молния, грянул гром. Приоткрыв дверь, Чернихин увидел огненный смерч, врезавшийся в мачту буровой установки. Топливный бак взорвался, выбросив в воздух солярку. Рассеявшись, она превратилась в раскаленный шар, который с оглушительным шумом распался на множество фейерверков. Из устья скважины выпрыгнуло пламя, вагон, твердо стоящий на четырех колесах, подпрыгнул как резиновый мячик. Мачта буровой установки превратилась в раскаленную елку, плавящийся металл стекал на землю. Чернихин быстро захлопнул дверь, прошел в свой отсек и... проснулся.

От пережитого кошмара Алексея Петровича отвлек шум за окном. Снаружи раздавались знакомые голоса, судя по отрывистым командам, перемежающимся матом, бурильщики занимались серьезным делом. Сколько времени? Начало четвертого. Молодцы, крепкие ребята, до сих пор гуляют. Чернихин в трусах и майке прошлепал к выходу, открыл дверь и от неожиданности едва не свалился с лестницы – метрах в пяти стоял бледный горнист, возле него хлопотали буровики, не вязавшие лыка. Спрашивать, зачем они притащили статую к жилому вагону, бессмысленно.

– Даю пять минут! Кто не успеет дойти до кровати, пусть пеняет на себя. Время пошло.

Резкая команда и колючий тон подействовали безотказно: бражники, выписывая замысловатые кренделя, поспешили к вагону. Чернихин спустился с лестницы, направился к емкости с водой, чтобы утолить жажду. Откинув крышку, отвернул кран, набрал полную кружку. Сделав несколько глотков, буровой мастер недоуменно уставился на темную жидкость. Какая же это вода? Пиво! Холодное, слегка горьковатое, приятно пощипывающее горло. Что за чертовщина? Он собственными руками заливал в бочку воду. Пришлось даже шланг использовать, близко подъехать к водонапорной башне оказалось невозможно. Чернихин поднял голову и узрел бачок для воды, прикрепленный сбоку к цистерне. Он нужен, чтобы ополаскивать бокалы. В бригадной емкости такая штука была отсутствовала, украли еще на базе. На этой бочке написано «Пиво» и намалеван бокал с пенящимся напитком. А на их цистерне красовалась только надпись, причем изрядно выгоревшая. Бочка чужая. Нетрудно догадаться, где она находилась раньше. Возле овощного магазина, в полукилометре от сквера. Когда проезжали мимо, Чернихин чуть слюной не подавился, все изнывали от жары и жажды, а продавщица, аппетитная разбитная бабенка, закончив работу, закрывала бочку на замок. Пиво, вероятно, привезли поздно, она не успела продать. А Степка, ушлая гадина, подбил остальных на обмен. Понятно, отчего их так развезло, пиво, небось, хлестали ведрами. Продавщица утром обнаружит пропажу, вызовет милицию. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, кто умыкнул бочку. Приснившийся ночью кошмар материализовался гнусным образом. Единственный выход – вернуть городскую бочку на место и забрать свою. Риск, конечно, есть, но если в емкость долить несколько ведер воды, продавщица поднимать шум не станет. Наверняка сама этим регулярно занимается. А замок на железной крышке, закрывающей кран, мог открыть кто угодно, в любом городе хватает хануриков. У Чернихина были водительские права со всеми открытыми категориями, но дело осложнялось тем, что без помощника емкость к машине не прицепить, а его подчиненные на ногах не стоят. Водитель водовозки трусоват, но придется его разбудить.

Шоферюга, как и предполагал буровой мастер, заартачился. Пусть расхлебывают кашу те, кто ее заварил, а ему на старости лет неприятности ни к чему. Уговаривать пришлось долго. Рассердившись, Чернихин пригрозил, что накатает докладную начальнику партии. Две недели назад в смену Лохматого парочка обсадных труб ушла налево, бурильщики без автомобиля не смогли бы их умыкнуть. Так что нечего корчить из себя девственницу. Если поможет, Чернихин закроет глаза на это недоразумение.

Обмен бочек прошел без сучка и задоринки. Близ овощного магазина ввиду раннего утра зевак не наблюдалось, улицы пустовали, но у Чернихина отлегло от сердца только после того, как родная бочка оказалась на месте.

***

Начальник городского водоканала Остап Леляшенко обещание сдержал. В половине восьмого черная «Волга», мягко покачиваясь на рессорах, въехала в сквер. Чиновника неприятно удивило, что благообразную клумбу, засаженную настурциями, ночными фиалками и розами, основательно разорили, будто потоптались лошади.

Заметив спешащего бурового мастера, Леляшенко вылез из машины. Чернихин, несмотря на ранний час, здорово упарился, однако был доволен: недоразумение с бочкой удалось устранить, он даже успел побриться, дабы не выглядеть растрепой.

– Вижу, времени зря не теряли, – улыбаясь, произнес начальник водоканала и крепко пожал буровому мастеру руку.

Чернихин насторожился. Заметив его недоуменный взгляд, Леляшенко кивнул в сторону клумбы.

– Куда пионера подевали?

Буровой мастер расплылся в улыбке. В его бригаде не принято тянуть кога за хвост, а скульптура наверняка на балансе города числится, так что ее поближе к жилому вагону определили, пусть под присмотром постоит.

– Демонтаж краном производили?

– Вручную. Мои орлы к тяжестим привыкшие, железа немерено перетаскали.

Начальник водоканала удовлетворенно причмокнул, поинтересовался, какая помощь нужна от горисполкома.

– Экскаватор нужен, зумпф вырыть, это обычная яма для промывочной жидкости. Примерно вот здесь.

Чернихин подошел к коротко подстриженным кустам. Из них неожиданно вывалился лебедь и пребольно клюнул мастера в щиколотку. Чернихин, испуганно вскрикнув, отпрыгнул. Леляшенко тоже ретировался поближе к машине. Лебедь, пошатываясь, будто получил крепкий удар по голове, направился к начальнику водоканала. Тот заворожено смотрел на ковыляющую к нему птицу.

– Что это с ним?

Пивом, паразиты, напоили, когда только успели, сообразил буровой мастер, но вслух произнес:

– Чокнулся, наверное.

Лебедь приблизился к Леляшенко, злобно зашипел, низко наклонив голову. Глава водоканала поспешно запрыгнул в служебное авто. Расположившись на заднем сидении, предупредил бурового мастера:

– Вы с ним осторожнее, какой-то ненормальный, на людей бросается.

– Ерунда, – отмахнулся Чернихин. – Ребят позову, они живо ему мозги вправят.

– Только не покалечьте. Тут еще один отирается. А экскаватор я пришлю.

Леяшенко, хлопнув дверцей, приказал водителю ехать в горисполком, где через полчаса начиналось совещание по поводу скважины. Деньги на нее в бюджете города отсутствовали. Требовалось срочно решать, по какой статье списывать незапланированные расходы.

Начальник водоканала даже не догадывался, что неприятности только стартовали.

Сторожевой костер

Сапожников проснулся поздно. Куда торопиться? Пусть Лохматый горбатится и метры дает, а Семену на выходной неделе спешить некуда, и плевать, вторник сегодня или четверг. Повернул голову. Опаньки. Куда Людмила подевалась? Жена обычно спала на спине: когда поворачивалась на бок, густые волосы, будто шатер, закрывали лицо и мешали дышать. Людмила служила в драматическом театре актрисой, после очередного спектакля приезжала домой глубоко за полночь, переполненная чужими страстями и судьбами. Ей хотелось продолжения праздника. Сапожников с удовольствием ей подыгрывал, поскольку мог выспаться и днем. Она пересказывала реплики, откинув голову, хохотала над удачными, на ее взгляд, шутками, вспоминала наиболее выигрышные сцены, смаковала сплетни, вспорхнув с кровати, меняла голос и позы, демонстрируя, как играли партнеры. Глядя на нее, Семен не уставал поражаться, насколько причудливы и негаданны изгибы судьбы. Не поехал бы в Николаевку, до сих пор бы холостяковал.

Демобилизовавшись, Сапожников впал в разнузданное пьянство, благо для походов в один и тот же ресторан, где стал завсегдатаем, деньги имелись. Привез из армии восемьсот пятьдесят рублей. Из ступора его вывел Костя,

давнишний школьный приятель, ставший инвалидом аккурат перед окончанием школы. Известие о том, что ему отрезали правую ногу ниже колена, потрясло весь класс. Что значит перебежать дорогу не в том месте и не в то время. Доля секунды – и ты колченогий. Причем на всю жизнь.

Костя явился спозаранку, устыдил:

– Здоровенный бугай, а дурью маешься. Я работу нашел, как раз по тебе – минимум мозгов и максимум трудотерапии.

Ясный пень, Костя явился не по собственной инициативе. Их мамы, когда сыновья учились в школе, часто перезванивались, делясь впечатлениями об учебе отпрысков. Вели негласно-перекрестное наблюдение. Вначале Семен обиделся на Костю, еще один работодатель выискался, если бы не стал инвалидом, наверняка и сам бы после дембеля куролесил.

Проводив приятеля, Семен по-барски возлег на кровать, подложив обе руки под голову, предался тягостным размышлениям. Чем заняться? Вспомнив проклятую медкомиссию в военкомате, скрипнул зубами. Семен не помышлял о том, чтобы уклониться от армейской тяготы. К патриотам себя не причислял, шершавые и обезличенные словеса о гражданском долге вызвали противление, от них за версту несло казенным духом. Разница между мужиком и бабой не в том, что один в штанах, а другая в юбке. Когда в сорок первом фашисты поперли на восток, сотни тысяч советских мужчин пошли на фронт добровольцами, а старшеклассники даже приписывали себе возраст. А могли бы отсидеться за бабьими подолами. А чем он хуже? Тем более что посылать его на амбразуру дота со связкой гранат в руках никто не собирается. Однако служить ему хотелось не абы где, а желательно в десантных войсках или на флоте. Какая разница, в какую полоску тельник? Обе формы залихватские, вернется домой – девчонки обомлеют. Да и вряд ли кто-то из призывников, проходящих медкомиссию вместе с ним, выдул бы из аппарата, измеряющего объем легких, семь с половиной литров. У бабульки, ответственной за спирометр, глаза чуть из орбит не выпорхнули.

И на тебе. В комиссию затесался шибко грамотный окулист, да еще и правдолюб, что ни в какие ворота не лезло. Заподозрил у Сапожникова конъюнктивит. И хотя Семен доказывал, что глаза у него всегда краснеют от тополиного пуха, упертый долдон ему не поверил. Семену и в голову не приходило, что его не возьмут даже в пехоту, а запузуют в военно-строительный отряд, а по-простому – в стройбат. Сапожников несколько дней пребывал в прострации. Формулировка «годен к нестроевой службе» ввела его в ступор. В ней просматривалась нелю-

гичность, не имеющая разумного объяснения. Армия – не сброд калек и немощных, ей нужны здоровяки, а не астматики. Если разобраться, военкомат мог бы поступить с ним по-честному: сначала вылечить, а потом отправить куда угодно, хоть к черту на рога, но только не в стройбат. Сапожников не понимал, какой идиот придумал систему военных строителей, но позднее пришел к мысли, что ее создатели слабоумием не страдали: подневольные солдаты, конечно, хуже гражданских шабашников, но зато в приказном порядке вполне могут их заменить, срабotaют, конечно, тят-ляп, зато быстро и в любую погоду.

Путь новобранца в армию проторен и укатан: либо курс молодого бойца, либо учебная часть. Сапожников окончил среднюю школу, где одновременно с аттестатом зрелости ему вручили водительские права, и до призыва покрутил баранку в городской коммунальной службе. До начала холодов – на подметально-уборочном грузовике: пылесос на колесах. Зимой его пересадили на дряхлый ЗИЛ: на дне конусообразного металлического кузова находился транспортер, подающий песок на вертушку. За всю зиму он всего три раза выезжал на маршрут. Оглушенный тем, что и десант, и морской флот ему не светят, новость о направлении в учебную часть, Сапожников воспринял с тупым равнодушием. Он не догадывался, что судьба вручила ему роковой лотерейный билет.

Учебка напоминала ПТУ, совмещенное с немилосердной муштрой, не вызвавшей у Семена озлобления. Сорок пять секунд на подъем? Если будешь дольше облачатся, считай, что ты труп, боеголовка ракеты разнесет казарму на клочки. Не умеешь наматывать портянки? Таскать обезноженного бойца на себе никто не будет. Шагистика, несмотря на ее кажущуюся бессмысленность, укрепляет не только ноги, но и весь скелет, а белые подворотнички нужно стирать и пришивать не для красоты, а чтобы от пота и грязи не завелись вши. Насчет необходимости политзанятий он шибко сомневался, от лекций о внеочередных задачах партии и правительства на фоне международного положения СССР солдатика впадали в анабиоз, но где еще можно так сладко покемарить, если научился это делать с открытыми глазами?

В военно-строительный отряд Семен попал в конце ноября – с лычками ефрейтора и удостоверением машиниста автокрана. Подмораживало, тяжелые, иссиня-черные, беременные снегом тучи, казалось, собирались спуститься ниже, но почему-то берегли каждую снежинку. Стройбат базировался на окраине города Кропоткин на Кубани. Внешне напоминал обычную воинскую часть: залитый непробиваемым бетоном плац, на котором тысячи каблуков кирзовых сапог не оставили видимых следов, две одноэтажные казармы из красного кирпича, столовка, пекарня, баня и клуб, медсанчасть и кочегарка. Не понравилось и насторожило, что сержанты сплошь из Украины, а рядовой контингент преимущественно не славянский, в основном выходцы из Средней Азии и Закавказья.

В первую же ночь Семен свалился с кровати второго яруса. Спросонья ему показалось, что неловко перевернулся во сне, но пьяный хохот, ворвавшийся в мозг с колючей враждебностью, разделил его армейскую житуху на две половинки: первая бесследно сгинула в прошлом, а начало второй он запомнил надолго. Его выволокли за руки в проход между кроватями. В казарме почему-то горел свет. Подняв голову, Семен разглядел разнокалиберных солдат, столпившихся вокруг него, с глумливыми рожами, в расстегнутых куртках, без ремней, но зато в сапогах, источающих ядреный душок гуталина, который дополняла острая вонь, исходившая от их тел, разгоряченных алкоголем.

– Ну, шо, салага, в трусы наложил?

В закоперщики, как понял Сапожников, записался старший сержант, родившийся где-то между Одессой и Краснодаром, в его крови смешались русские, украинцы и евреи. Рыхлый, курчавые черные волосы, узкие плечи и бабий зад. Из-под распахнутой гимнастерки выглядывали подозрительно крупные грудки, вокруг которых змеились золотистые волоски.

Семен нехотя поднялся и тут же сложился пополам от пинка под дых. Еще один удар, на этот раз в лоб, свалил его на пол. Скукожившись, он невольно пустил слезу. В учебке Сапож-

ников навиделся всякого, пендели и мат вначале сыпались на него едва ли не каждый день, но его не принимали за безмозглого таракана. А эти худосочные уроды, собравшись в стаю, строят из себя племенных быков, хотя каждого из них поодиночке Семен легко бы измочалил. Боль в животе притихла, взгляд уперся в табурет. Вытянув руку, Семен схватил его за ножку, вскочил и хрястнул им старшего сержанта по голове. Не дожидаясь, пока опешившие инородцы набросятся на него скопом, рванул из казармы, но возле дневального поскользнулся и растянулся на полу.

– Смирно!

От истошного возгласа дневального заложило уши. Скосив глаза, Семен увидел офицерские сапоги. Яловые, из коровьей шкуры, а не из голимой кирзы. Сапожников вскочил на ноги и представился, едва удержавшись, чтобы не приложить руку к голове. Ротный, капитан Синельников, в недоумении уставился на солдата, будто узрел динозавра, вскинул брови и загадочно произнес: «На ловца и зверь бежит».

– Дневальный, дежурного по роте сюда! – приказал Синельников.

Обратившись к Сапожникову, гаркнул:

– Одна минута, время пошло!

Семен, выдрессированный в учебке, облачился раньше срока. Они вышли из казармы, где стоял командирский «бобик». Семен уселся на заднее сиденье подле человека в бушлате с сержантскими погонами и шапке-ушанке. Машина рванулась с места и запетляла по узкой раздолбанной асфальтовой дороге. Ехали молча. Фары выхватывали придорожные указатели, безлиственные деревья и кусты, по пути не встретился ни один автомобиль. Часа через полтора «бобик» уперся в широченные ржавые железные ворота, посреди которых виднелась небольшая дверь. Капитан, ни слова не говоря, пружинисто выпрыгнул из салона и скрылся за ней. Через пару минут ворота распахнулись. Выбравшись из машины, Семен огляделся. Они находились на территории автоколонны, освещенной двумя прожекторами: железобетонные боксы, несколько грузовиков, среди которых выделялся автокран МАЗ с длинной стрелой, приземистый одноэтажный кирпичный барак. Следом выбрался из салона молчаливый сержант. Низенький, мордастый, но потерянный, будто именно ему на голову обрушилась табуретка. Синельников, заложив руки за спину, прохаживался, и о чем-то размышлял. Сапожников поглядывал на него с любопытством, а сержант с опаской.

Капитан, вероятно, определился.

– Садитесь, – коротко приказал он Сапожникову, кивнув на МАЗ.

Семен похолодел. В учебке практиковался на ЗИЛе, а что делать с этим мастодонтом, понятия не имел.

– Товарищ капитан, я в нем не фурычу, – взмолился Сапожников.

– Вы, боец, дурак или прикидываетесь? – гневно спросил Синельников. – Это приказ. Выполняйте! А тебя, Борзухин, предупреждаю: не вернешь кран сюда до шести утра, я тебя, как соплю, размажу.

Капитан удалился в барак. Без начальства сержант отвел душу, кратко и доходчиво изложив все, что думает о ротном и о советской армии, сплюнул под ноги и успокоил Семена:

– Не бойсь, сам поведу. Но если не поднимешь «газон», я тебя закопаю. Мы его пробовали вытащить трактором, трос оборвался.

«И никто не узнает, где могилка твоя», – срываясь на фальцет, дурашливо пропел Борзухин и коротко хохотнул. Он, конечно, шутил, но как-то натужно, будто перебарывал себя, в его голосе сквозила не только горечь, но и плохо скрытая угроза.

МАЗ остановился, пшикнув тормозами. Возле машины столпились перепуганные солдаты в ватниках, перепачканные глиной и до того жалкие, что сердце у Семена екнуло. Двое с ручными фонариками. Одного из них Борзухин с ходу замысловато обругал, подкрепив брань пинком под ягодицы, а второго ухватил за шкирку и поволок впереди себя.

Котлован, на краю которого они оказались, напоминал воронку от нехилого снаряда, на глазок глубина превышала семь метров. Груженный кирпичом самосвал, вероятно, слишком близко подъехал к обрыву и скатился вниз. Хорошо, что не перевернулся. Сапожников поразило, что кузов так и не разгрузили. Сколько может поднять МАЗ, он не знал, но почему-то уверился, что пятьдесят третий «газон» без груза крану по плечу. Сержант на просьбу Семена отреагировал своеобразно:

– Умный, да? – вознегодовал он. – Вот и разгружай. А мы поглядим.

Семен спустился в котлован и начал демонстративно выбрасывать кирпичи поштучно. Его трясло от негодования. «Хорош выкобениваться!», – остановил его сержант. Сверху, как муравьи, налезли солдаты, скоро и сноровисто опустошили кузов самосвала. Сапожников задумался, как поднимать грузовик. С рычагами крана он, допустим, разберется, не велика важность. Но ведь из кабины не видно, что происходит на дне котлована. Нужны помощники, имеющие представление, что такое «майна» и «вира». Мысль о том, что он может кого-нибудь раздавить, мелькнула ласточкой, и легковесно испарилась. Семен лихорадочно вспоминал: вылет стрелы и допустимый вес груза. Выходило, что под задние выносные опоры нужны шпалы или железобетонные плиты. Когда Сапожников сказал об этом сержанту, тот взбеленился:

– Где я их тебе нарою?

– А я откуда знаю? – дерзко возразил Семен, догадавшийся, что Борзухин угодил в капкан.

На обратном пути за рулем сидел Сапожников, а сержант, довольный тем, что самосвал в полном здравии удалось высвободить из плена, по-отечески его поучал.

– Чего zenки вылупил, полудурок? Тебе зарплату будут платить, как на гражданке за вычетом казенных шмоток, жратвы, бани, стирки и прочих удобств, которыми государство в принципе должно обеспечивать тебя бесплатно. После дембеля все девки будут ходить пред тобой на полусогнутых. А почему? Да потому, что ты в первую голову строитель, а не воин. Будешь работать на благо отчизны, а не сидеть на ее шее, как вошь. Вернешься домой с деньгами, как нормальный пацан. Улавливаешь разницу? Да куда тебе, – закручинился сержант. – Остолопа по глазам видно. Небось, в десантники метил?

Семен вздрогнул и машинально придавил газу, МАЗ взбрыкнул и едва не боднул стрелой встречное дерево.

– Вот-вот, – оживился сержант. – Стройбат для тебя запаadlo? Хоть вешайся? Не советую. Язык навыворот, штаны мокрые и воняют. Никакого сочувствия. Только брезгливость. Труп сам по себе, а я вроде как сторонний наблюдатель. Пару раз салагу отметелили, причем за дело, велика важность. А он висит в туалете, как шланг, и как бы спрашивает: «За что?». А того не понимает, что виновато не воинство, а его мамаша, у этой дуры мозги с копейку, вдобавила ему в башку всякую белиберду вроде человеческого отношения к солдатам. Человек – это на гражданке, а у нас ты падаль, прикажут египетскую пирамиду отгрохать, не скули, а таскай камни. Но с умом, не надрывайся. Завтра скомандуют снести пирамиду к чертовой бабушке, а на ее месте вырыть котлован. Не вопрос, ты всегда готов. Усек?

Не дождавшись ответа, сержант замолчал и не проронил ни слова, пока МАЗ не остановился перед знакомыми воротами.

В часть Сапожников так и не вернулся. Его поселили в барак, служивший общежитием. Усадили за руль самосвала вместо проштрафившегося бойца. Вопросом, куда попал, Семен не заморачивался. Его устроило, что бригаду, состоявшую преимущественно из узбеков, родная часть вроде как передала в долговременное пользование районному отделу мелиорации. Город исправно снабжал бойцов едой утром и вечером, а к обеду дополнительно привозили обалденно вкусный хлеб и молоко. Должно быть, за вредность. Отряд колупал промерзшую землю, прогрызая в ней траншеи, в которые укладывал толстенные чугунные трубы. Семен

недоумевал: почему канализацией нужно заниматься зимой, а не летом. У Борзухина от такого вопроса суматошно задергался кадык, а лицо побурело.

– Я подрядами не занимаюсь, – отрезал он. – Знаешь, что мне сказал сопляк из городского коммунального отдела? У гражданских работяг идиосинкразия

к окопам, особенно в зимний период. И где только таких погремушек нахватался. Учись, лапотник: чем выше образование, тем дальше от канавы, по которой дерьмо журчит.

Недели через две Вахид Муллохолов, с которым Семен сдружился, предупредил:

– Полторак тебе привет передал. Посулил поквитаться.

– Кто такой? – вяло поинтересовался Семен.

– Старший сержант, которого ты огрел табуретом.

Семен покосился на Вахида, таджика невеликого росточка, который лежал на кровати, сложив худенькие руки поверх одеяла. Он окончил русскую школу и тараторил без акцента.

– Жалко, что не добил дебила.

– Совсем екарнулся, – со вздохом констатировал таджик, задумчиво взирая на Семена черными глазенками. – По нарам соскучился? Зачем нары? Я бы в Адрасман хоть завтра пешком потопал, по прикидкам, за два месяца доберусь. У нас в поселке есть кафе «Ветерок», там такие шашлыки из барана варганят, сдохнуть не встать. Чуть ниже, за двухэтажным домом, ларек с разливным пивом.

– Ты это к чему? – резко оборвал Сапожников соседа, ударившегося в гастрономические воспоминания. Хотя бы разок перловки от пуза налопать, какие к черту шашлыки.

– Полторак сам полгода раком елозил с зубной щеткой наперевес. Будешь ерепениться – до того зачмурят, что позавидуешь сусликам. Старший брат из армии без зубов пришел.

– Ненавижу козлов, которые называют чурками тех, кто родился далеко от Москвы, – обозлился Сапожников. – Вот ты, Вахид, наверняка чуркой себя не считаешь?

– Русские мне ничего плохого не сделали. В Адрасмане их даже больше, чем таджиков.

– А на чурку соглашаешься, – язвительно заметил Сапожников. – А все потому, что тебе без разницы, перед кем ползать на брюхе, я не имею в виду национальность, среди русских таких не меньше. Домой он хочет приползти! – взвился Семен. – Пять тыщ кэмэ на карачках.

– Ты, Сапог, точно екарнутый, – опечалился Вахид. – Помяни мое слово, гвозданешься, аж пух полетит.

Сапожников в пророчества верил и потому шараялся от цыганок, как от крокодилов. По слухам, среди них и в самом деле попадались сведущие ворожейки, могущие предсказать судьбу. Ну и как жить после этого? Допустим, предскажут ему, что следует опасаться воздушного пространства. О любых полетах, включая парашюты, не говоря уже о космических кораблях, которые после дворняжек Белки и Стрелки, а через год и Гагарина, начали с завидной периодичностью стартовать с космодромов, придется забыть. Ни в военную авиацию, ни в космос Семен не собирался, но не исключал, что через пару десятков лет появятся экскурсии на околоземную орбиту, чтобы туристы могли поглазеть из иллюминаторов на голубую планету и прочувствовать свое ничтожество. Между тем, кто может поручиться, что когда Семен будет попивать чаек на веранде дачи, любуясь грядками с клубникой и огурцами, на домик не грохнется самолет?

Весной Семена откомандировали к связистам в Казахстан, которым срочно понадобился крановщик. Сколько он ни размышлял, так и не смог постичь логики: неужели в Казахстане не нашлось солдата его квалификации? В Атбасар он ехал на поезде, в плацкартном вагоне, облачившись в футболку и черные штаны, которыми предусмотрительно разжился в Кропоткине. Попутчик, артиллерист майор Черемешин, крепко обидевшийся на тыловых шкур за то, что его спровадили в Среднюю Азию, прихватил с собой столько еды и спиртного, будто собирался в автономное плавание на шлюпке через Атлантический океан. Узнав, что Сапожников маскируется под гражданского, он заграбастал его в объятия и прочувственно пообещал:

– Сынок, меня ты запомнишь надолго.

Если бы за сутки до прибытия в Атбасар майор не слез с поезда, Сапожников наверняка бы угодил в вытрезвитель. Обошлось. В отряд численностью в десять штыков нагнали кого попало, полный интернационал, включая якута с фамилией Тобохов. Владик уверял, что на самом деле его зовут Былаадзык, над ним беззлобно посмеивались, но ценили за всегдашнюю готовность помахать киркой и лопатой. Отряд устанавливал деревянные, пропитанные креозотом столбы, на которые предполагалось навесить провода. Никто не знал, откуда и куда их протянут, кроме старшего лейтенанта Добробата, свежее испеченного выпускника Орловского высшего военного училища связи. Сапожников подозревал, что и офицер только притворяется всезнайкой, а сам ни ухом ни рылом. Тобохов считал, что столбы приведут напрямик к шахте с ракетой стратегического назначения. Солдатакам вменялось выкапывать двухметровую яму, а он, сидя за рычагами крана, осторожно опускал в нее очередной столб, после чего из кабины наблюдал, как пустоты засыпают гравием и песком вперемешку с цементным раствором. Иногда Сапожникова грызла совесть, прыгнув с платформы крана, он помогал салагам и черпакам, но такое случалось нечасто: терять лицо – последнее дело. Добробат, тоскуя по капитанским погонам, лез из кожи, подгоняя подчиненных, но даже Тобохов поглядывал на него с искренним недоумением: от однообразия и отсутствия конечной цели хотелось поваляться на пожухлую траву и не двигаться, бездумно взирая на поблекшее от солнца небо. Жили они в строительном вагоне на колесах, подле которого стояла автоцистерна с водой для питья и заливки столбов, а также кубовая металлическая емкость для топлива. Раз в неделю, по понедельникам, приезжал «Урал» с двумя цистернами на прицепе, доставлял щебенку, цемент в бумажных мешках, пропитание, воду и бензин. В конце августа, когда земля потрескалась от жары, в привычный день вездеход не приехал. Никто этому не придавал значения, мало ли какие прикидки у начальства, да и техника могла поломаться. До следующего понедельника они дотянули, валяясь на кроватях: днем в трусах, а ночью изнемогали от холода под ветхими одеялами. Добробат впал в оцепенение, Сапожников пытался его расшевелить, но тот вяло отмахивался. Семен недоумевал, с какого перепуга этот долговязый городской слюнтяй подался в командиры. Ему бы протирать штаны в гуманитарном вузе, а не лезть в армейский хомут. Если бы Добробат предательски не сдался, воды бы хватило надолго. Оставшиеся без присмотра солдаты, изнемогая от жары, едва не опустошили цистерну, Сапожникову пришлось отгонять их пинками, никакие уговоры и предостережения не действовали. Ввел ежедневную норму – пол-литра в сутки на брата. Ежедневно измеряя уровень воды в цистерне, сообразил, что спохватился поздно. Семен тоже запаниковал. Бензина с гулькин нос, двести километров до базы пешком не осилить. Он читал, что в пустынях существуют оазисы, но сомневался, что в казахской степи без проводника их можно отыскать. Днем Сапожников предпочитал валяться под тенью вагона, подложив руки за голову, и вяло прикидывать, сколько еще они могут продержаться. Заодно и цистерну сторожил. Вспоминал автоматы с газированной водой. Вот болван – нравилась газировка с сиропом за три копейки. Сейчас бы он разменял рубль на копейки и выхлестал сто стаканов, первый десяток залпом, а остальные потихоньку, наслаждаясь каждым глотком. Солнце жарило без передышки, будто осерчало на служивых.

– Как думаешь, амба?

Семен открыл глаза и с недоумением уставился на Тобохова. Тот прилег возле него и с тоской признался:

– Снега хочется. Я любил слизывать снежинки с ладони.

Помолчав, мечтательно добавил:

– Морозу бы сейчас, градусов под сорок.

– Сдурел? Тогда точно окочуримся.

– Есть такой костер, нодья называется, – объяснил Тобохов. – Два бревна снизу, одно сверху. Горят всю ночь, вертишься на лапнике, то спину подставляешь, то грудь. Кайф.

– Где бревна раздобудешь?

– Да их как грязи, – Тобохов указал на десятки столбов, аккуратно уложенных друг на друга. Поблескивая жирными черными боками, они красовались на солнцепеке. Сапожников со злостью уставился на кучу бесполезной древесины, завезенной с избытком, в отличие от воды. На костер и вправду сгодятся, но греться в такую дикую жару не хочется. А вот спалить умников в погонах, загнавших солдат как скот в раскаленную тьмутаракань, не помешало бы. Сапожников с жалостью взглянул на Тобохова: азиатские глаза с багровыми воспаленными веками до того сузились, что возникали сомнения, видит ли он что-нибудь или воспринимает мир внутренним взором, по памяти. Бедняга, каково ему, привыкшему к стуже, корячиться вдалеке от привычных сугробов. Семен, будь его воля, избавил бы северные народы от армейской тяготы, пусть оленей пасут и ночуют в чумах, какой толк от них, забритых под ружье? Они ведь, как дети, наивные и не приспособленные ни к дубоватой дисциплине, ни к безжалостным порядкам, ни к армейской бурде. А вот в выносливости им не откажешь. Сапожников взглядом оценил гору столбов. Усмехнулся.

Семен, пошатываясь, встал и направился к бочке с бензином. Нацедил ведро, второе подставил под бак автокрана. Расплескивал горючее экономно, чтобы вся гора древесины занялась одновременно. Хватило мозгов, чтобы заживо не сгореть. Изготовил факел из палки, обмотав ее ватой, надернутой из просаленного ватника. Но все равно прошибся. Хоть и стоял метрах в десяти, пришлось упасть ничком и отползти от нестерпимого жара. Когда добрался до Тобохова, тот восхищенно похвалил:

– Толковую нодью сварганил.

Рано утром солдаты проснулись от мощного рева. Сапожников выглянул в окно и увидел вертолет. Винты все еще вращались, поднимая легковесную пыль, из железного чрева машины вышли двое мужчин, на вид вполне гражданских. Они недоуменно озирались на догорающий костер, который продолжал извергать черный дым. Войдя в вагон, с диковатым любопытством долго взирали на солдат с пересохшими губами. Пилоты ночного рейса с высоты девять с половиной тысяч метров обратили внимание на странную яркую точку и сообщили о ней авиадиспетчеру. Тот связался с нефтяниками, не случилась ли авария на скважине. Те опешили, поскольку буровые вышки располагались намного южнее, но на всякий случай выслали вертолет.

В родную часть Сапожников вернулся в конце ноября. Год пролетел – не заметил. Так и жизнь промелькнет, опасливо подумал Семен, вглядываясь в сумеречные тучи, грозившие снегом. Через КПП его не пропустили, дежурный долго изучал его документы, подозрительно поглядывая, как на шпиона, докладывав командованию, приглушив голос.

Замполит, майор Веретенников, толстый и обрюзгший, напоминал ленивца, слова выдавливал через силу.

– Я бы тебя, Сапожников, прямо сейчас демобилизовал, жалко, что таких прав не имею. Еле отбоярился. На тебя хотели повесить уничтожение государственного имущества, но когда речь зашла о десятке потенциальных покойниках, отстали.

Майор перевел взыскующий взгляд на потолок, будто пытался разглядеть подсказку, и попросил:

– До мая рукой подать. Больше не чуди. Хорошо?

Сапожников живо вскочил и бодро отрапортовал:

– Есть, товарищ майор.

Не срослось. Аккурат перед новогодними праздниками его срочно вызвали к детскому саду, закрытому на ремонт. Обуреваемый горькой обидой, Семен сел за руль верного автокрана и ударил по газам. Его выдернули из каптерки, в которой «дедушки» накрывали стол, изобилующий вкуснятиной: жареная на смальце картошечка, килька в томатном соусе, палка докторской колбасы и десять бутылок крымского вина «Альминская долина» в семнадцать заправокских

градусов, вызвавших тоску по Крыму. Подъехав к одноэтажному кирпичному зданию, построенному, вероятно, после нашествия Наполеона, он вывалился из кабины. Двое вояк азиатского происхождения, побросав ломы и лопаты, тараторили наперебой, но из мешанины незнакомых слов Сапожников выловил только несколько фраз: труба и мало-мало дергать. Он подивился, на кой ляд вызвали кран, но решил не терять времени. Поставив МАЗ боком к зданию, опустил прикрепленный к стреле крюк в неглубокую яму, вырытую рядом с фундаментом. Солдатики колдовали недолго. Радужно улыбаясь, начали тыкать в небо руками. Сапожников включил лебедку, стальной канат натянулся. Салажата нетерпеливо приплясывали, радуясь скорому извлечению из промерзшей земли диковинного предмета, перекрывающего подкоп под фундамент. Сапожников слегка придавил на газ. Выскочивший из ямы металлический цилиндр с хвостовым оперением взлетел выше крыши детсада. Бомба!

Выскочив из кабины на платформу крана, Семен крикнул остолбеневшим солдатам:
Ложись!

Но сам, поскользнувшись на обледеневшем железе, не успел спрыгнуть: бомба упала под задние колеса машины и взорвалась. Ударная волна хлопотнула по ушам, зубы противно лязгнули, в глазах потемнело. Сапожников отключился еще до встречи с землей.

Семен оклемался через пару дней после операции. В честь такого события в палату заглянул главврач, кряжистый старикан, с белесой бородой клинышком и густыми как у Брежнева бровями. Скрестив на груди руки молотобойца, с отеческой любовью воззрившись на пациента. Главврач, не доверяя штатному хирургу, сам провел сложнейшую операцию, извлек осколок, торчавший из левого желудочка сердца. Если бы он вдоволь не навиделся таких тяжелых ранений на фронте, этот молоденький вояка вряд ли бы выжил.

– Ну-с, жертва немецкой бомбежки, как себя чувствуете? – поинтересовался главврач, присаживаясь на стул возле вернувшегося с того света солдата.

Сапожников попытался изобразить улыбку, но скривился от боли в ушах.

– Вас следователь из военной прокуратуры домогался, но я его отшил. Еще какой-то капитан с бульдозером на шевронах приходил, просил передать, чтобы ни о чем не волновались, обошлось без жертв, только автокран сгорел, но это мелочи. Так что набирайтесь сил, маму с папой вспоминайте, расстарались на славу, столько здоровья вложили в вас при зачатии, что на десятерых хватит.

Через месяц в больничную палату, как змея, просочился капитан Синельников. На Сапожникова взирал сурово, как на дитя, оставшееся без призора и успевшее порядочно набедокурить. Присев на стул, любезно поинтересовался:

– Запором не страдаете?

Семен насторожился.

– От манки только писаю.

– Это хорошо, – авторитетно заключил капитан. – Зато у подполковника Кривицкого от вас неврастения. Прокуратура на него зубы точит, уголовную статью шьет, утерял контроль над вверенной частью. Из штаба округа звонили, интересовались, почему не вызвали саперов. Далась вам эта треклятая бомба.

– Солдаты, которые меня встретили, по-русски ни бум-бум.

– А оторвать задницу от крана постеснялись?

Семен виновато отвел глаза. Вспоминая роковое событие, мучился от собственной дурости.

Трудно сказать, чем бы закончилась эта история, если бы на областном телевидении не показали маленький сюжет о подвиге советских солдат. Журналист рассказал, что защитники Отечества пришли на помощь детскому саду, вынужденному закрыться из-за аварии на теплотрассе. Они обнаружили под фундаментом немецкую бомбу, которая могла взорваться в любую секунду и разнести детсад на кирпичики. Чтобы спасти здание, солдаты с помощью

крана выдернули бомбу из мерзлого грунта, и та, взорвавшись, нанесла строению незначительный внешний урон. Один из героев получил тяжелое ранение и проходит лечение в городской больнице. Журналист, стоя возле изрешеченного осколками детсада, восторженно заявил, что пока в советской армии будут служить такие солдаты, она одолеет любого врага.

Начальника части даже не понизили в должности, но перевели на другое место службы. Сапожникову медаль на грудь не повесили, зато рассчитались по-честному, ни копейки не удержали за погубленный автокран.

Африканский обед

О том, чтобы на гражданке сесть за баранку или устроиться крановщиком, Сапожников даже не помышлял. Может, в милицию податься, прикидывал он. Но ведь придется каждый день напяливать форму, от вида которой его мутило, начиная с восьмого класса. Поджигать школу тогда никто не собирался. Эта милицейская версия ни в какие ворота не лезла. Просто кинули карбид в унитаз, а когда в нем закипело варево, бросили спичку. Эксперимент затеяли не ради хулиганства. Химик на уроке объяснил, что если погрузить карбид кальция в воду, получится ацетилен, который используют при сварке. Якобы, такой горючий, что мама не горюй. Ну и решили проверить. Кто знал, что полыхнут перегородки из толстой фанеры? Это же горючий материал. Кто лоханулся? Форменное безобразие, нарушение элементарных правил пожарной безопасности! Семен так и сказал оперу в лице девушки с лейтенантскими звездочками на погонах. Вообще-то, она ему понравилась. Эдакая фифочка с накрашенными алой помадой губками ассиметричной формы: верхняя – вдвое меньше нижней, что добавляло привлекательности. Обаяшка напускала важности, пытаясь изобразить строгую начальницу, хмурилась, задавала вопросы. Его мама, приглашенная для беседы, тихонько сидела в углу кабинета на скособоченном стуле, не издавая ни звука. Она впервые попала в милицию, не знала, что ей делать. Вспоминала фильмы, представляла сибирскую тайгу, деревянные бараки и заключенных в одеждах с полосками, как у зебры. Вернувшись домой, взяла с сына слово, что впредь он не будет участвовать ни в каких химических экспериментах. Ладно, милиция обойдется без него. Попробую по совету Кости податься в бурильщики.

Костя оказался прав: мозги помбуре действительно без надобности. Делай, что прикажут, и не обижайся. Никому не интересно твое прошлое. В этом Семен убедился в первый же рабочий день. Бурильщик Зарецкий, пожилой дядька, бесповоротно лысый, с животом, округло нависающим над брюками подобно половинке глобуса, к новому помощнику отнесся доброжелательно, но с легким недоверием. Причина такого поведения открылась позднее: молодые помбуры в «Угаре» не задерживались, хлебнув зимнего лиха, спешно увольнялись. Посвящать их в буровые премудрости не имело смысла. От дотошного и въедливого новичка, приставившего с расспросами, Зарецкий поначалу отмахивался, но вскоре оттаял и взялся за его обучение всерьез. Объяснил и наглядно продемонстрировал устройство насоса, залез в прицеп и показал Семену буровые коронки и долота, рассказал об особенностях их применения. В начале каждой смены подробно объяснял, чем займется и на что желательно обращать внимание.

– Работенка у нас грязная, тяжелая, с непривычки или по глупости пупок развяжешь. Народ все больше самогоном греется. Тебе это ни к чему. Вижу, парень ты башковитый, а мне пора на покой, под бочок к жене. Вот и заменишь старика.

Зарецкий слово сдержал, через полгода Сапожникова отправили в Джанкой на курсы повышения квалификации, откуда он вернулся с корочками бурильщика. Зарецкий ему обрадовался, прощаясь, посоветовал:

– Тебя в бригаду Чернихина определили. Будешь работать в паре с Летаевым, бурильщик он правильный, но больно вспыльчивый и рискованный. Ему нужен противовес. Сможешь его укоротить – будешь верховодить в своей вахте. Сменщики тебе не указ. У них Лохматый рулит. Станет наезжать, не поддавайся, прояви характер. Иначе так и останешься хвостом чужой кобылы.

Лохматый поначалу не наглел, присматривался, не лез в бутылку во время сдачи вахты. Но вскоре начал придирается по пустякам. Почему прошли не шестьдесят, а сорок метров, куда запропастились запасы бентонитовой глины, зачем поменяли долото, если проходка шла как по маслу. Однажды Сапожников не выдержал:

– Не возникай. У тебя своя свадьба, а у меня своя. Встанешь поперек – наплачешься.

***

Безлошадные симферопольцы ездят на море в основном по двум ближайшим маршрутам: на рейсовом автобусе в поселок Николаевка или в Алушту на троллейбусе. Николаевка предпочтительнее. Летом рейсовые автобусы отъезжают от автостанции через каждые сорок минут. Привлекает и то, что конечная остановка располагается метрах в тридцати от побережья. Вышел из автобуса, пять минут ходьбы и ты на пляже. Семен в Николаевку ездил нечасто, послеобеденные ветра, как правило, превращали море в мутный теплый бульон, в котором обожали бултыхаться ребятишки и алчущие неги жители северных регионов страны. Никакого сравнения с Алуштой, где достаточно пройти пару-тройку километров на восток, чтобы оказаться в безлюдном месте, где прибрежную полосу из больших и малых глыб любовно обливают соленые языки моря, а вода настолько прозрачная, что можно сосчитать все камушки на дне.

Сапожников в Николаевку не собирался. Позвонила жена Костика, попросила отвезти мужа на море.

– У него ампутированная нога разболелась, фантомные боли, – объяснила Лена. – Конечности давно нет, а отсутствующая ступня ноет, будто реальная. Соленая вода в таких случаях хорошо помогает. Я бы и сама с ним поехала, но он не хочет. Тяготится. Знаю, у тебя выходная неделя. Позвони, скажи, что собрался на море, предложи составить тебе компанию.

Сапожников так и сделал. Костя раздраженно поинтересовался:

– Ленка надоумила?

– Ба, Шерлок Холмс доморощенный. Позагораем, в морской водичке отмокнем, пивка попьем. Чего по жаре в городе торчать?

Костя давно приспособился передвигаться на протезе, как на здоровой ноге. Со стороны не догадаешься, что он инвалид. Когда начинала ныть отсутствующая стопа, Костя валялся в постели, смиряясь с болью. В такие минуты не хотел никого видеть. Но жена права: после купания в море отсутствующая стопа успокаивалась и долго о себе не напоминала.

Кореша встретились на автостанции «Восточная», заполненной жителями города и курортниками, стремящимися поскорее оказаться в домах отдыха, куда ехали по путевкам. Сапожников спозаранку скатался на автостанцию, купил два билета с указанными в них местами, чтобы избавить приятеля от стояния в проходе между кресел. К платформе подкатил старенький ЛАЗ, люди ломанулись в открывшиеся двери с такой стремительностью, будто пытались попасть в последнюю шлюпку «Титаника». Их места заняли девушки: юные, смазливые и несговорчивые.

Сапожников предъявил билеты, вежливо попросил освободить места.

Девчонки уперлись. Одна из них намекнула на слабый пол. Семен набычился. Подхватил под мышки ближайшую кралю, выставил в проход. Вторая, перепугавшись, выпалила:

– Дяденька, сама выйду.

Костя, которого Семен усадил возле окна, обиделся. Зачем грубить, ведь девчонки не знали, что один из пассажиров без ноги.

– У нас разные подходы к инвалидности, – рассудительно заметил Сапожников. – Уважение к таким, как ты, можно достичь только одним способом – надавать по рогам.

– У тебя послевоенный синдром.

– Не загивай, если каждый будет ставить на место зарвавшегося козла или соплячку в юбке, человечество только выиграет.

Выйдя из автобуса, они миновали проход между двумя базами отдыха и по каменной лестнице спустились на пляж, заполненный отдыхающими. Свободного пространства

не наблюдалось. Сапожников повел приятеля к малолюдным глинистым обрывам, где можно спокойно расположиться на галечном пляже, не толкаясь локтями с соседями.

Семен расстелил покрывало. Вскоре рядом нарисовалась компания из мужчин и женщин разного возраста. Устроили натуральный балаган: хохоча, в чем-то обвиняли друг друга, завернувшись в полотенца, вставали в позы патрициев, кривляясь, что-то декламировали, обсыпали окружающих песком и поступали как люди, которых не долечили психиатры. Сапожников обратил внимание на девушку с маленькой грудью, густыми агатовыми волосами до плеч и статной фигурой.

Отцепив протез, Костя на одной ноге допрыгал до моря, плюхнулся в воду и поплыл брассом. Семен остался на берегу. Улегшись на живот, подставил солнцу не тронутую загаром спину.

– Не откажите в любезности.

Приятный женский голос прозвучал неожиданно. Сапожников резко приподнялся. Его побеспокоила приглянувшаяся брюнетка. Присев рядом, полушепотом объяснила:

– Не хочу стореть. Намажьте мне спину кремом.

Девушка протянула флакон, который он машинально взял, не понимая, чего она хочет.

– Ну же! – с легким укором произнесла незнакомка, обернувшись к нему спиной.

Кроме «калаша», из которого Семен несколько раз пострелял в учебке, разобрал на детали и протер ветошью, смоченной тонким слоем масла, никакого опыта смазывания он не приобрел. Сапожников понятия не имел, как обращаться со стеклянной бутылочкой с иностранной надписью, которую ему вручила девушка. Но признаваться в этом не хотелось. Да и мазь Вишневского, если на то пошло, он много раз накладывал на пораненные ноги после дворовых футболов. Раскрутив колпачок, вылил на ладонь немного молочной жидкости, начал усиленно растирать спину девушки, стараясь не зацепить бретельки купальника.

– Вам никто не предлагал стать массажистом? – вкрадчиво поинтересовалась она.

– Пока нет, – процедил Сапожников, начиная раздражаться.

– Растирать мазь нужно нежно, слегка прикасаясь к коже. А вы так стараетесь, будто хотите вогнать ее прямо в печень. Давайте покажу, как это делается.

Брюнетка предложила улечься на живот, начала осторожно водить пальцами по спине. Ее прикосновения были настолько деликатными и бархатными, что он разомлел. Покончив с растиранием, спросила:

– Давно ранили?

Сапожников недоуменно взглянул на нее.

– Шрам на спине, – объяснила незнакомка. – У нас в театре такие «рисуют», когда актеры играют в пьесах о войне.

– Осколок снаряда, – как бы нехотя объяснил Сапожников, всем своим видом демонстрируя, что раскрывать подробности боевой операции его никто не уполномочивал.

– Вы актриса?

– Это наша труппа, – девушка кивнула на веселившихся партнеров. – Приехали развлекаться перед спектаклем.

– Я так и подумал, психушка на гастролях.

– И не надейтесь, не обижусь. Большой разницы между дурдомом и театром нет, – улыбнулась брюнетка. – Другое дело, что актер может гениально сыграть психа, а полоумный никогда не станет артистом.

– Коллеги не обидятся, что вы их бросили?

– Да им пополам. У нас не принято вмешиваться в личные дела. Обсуждать – пожалуйста. А вы вообще-то кто?

***

Семен прошел на кухню. Пусто. За два года совместной жизни он изучил Людкины повадки досконально. Если у нее вечерний спектакль, сейчас валялась бы в кровати. Куда запропастилась? Неужели опять съехала к родителям? Семейная жизнь не заладилась после того, как он посмотрел спектакль, в котором жене досталась второстепенная роль. Семену действие не понравилось. Актеры квелые, да и Людмила смотрелась на сцене неважно. Реплики произносила надрывно, будто ей кто-то перечил, без необходимости принимала эффектные позы.

Далеко за полночь супруги вернулись в квартиру, где он и высказал свои соображения. Спрашивается, кто за язык тянул? Мог бы отмолчаться, тем более что в театральные премудростях действительно не шибко разбирается. Людмила преобразилась в тигрицу, у которой отобрали детенышей. Оказалось, что Сапог с его гулькиным образованием не может оценить все нюансы происходящего на сцене, его представления об искусстве на уровне шимпанзе. О Людмиле, как об актрисе, не ему судить. Да и вообще, пусть не лезет в дела, в которых смыслит, как ежик в протуберанцах. Сапожников захотел уточнить, какое отношение протуберанцы имеют к театру, но поостерегся.

Семен считал, ориентируясь на маму, что жена должна содержать квартиру хотя бы в относительной чистоте, заниматься готовкой. О разносолах не мечтал, но на элементарный борщ рассчитывал. У Людмилы при ее графике и в самом деле на домашнюю рутину сил не хватало. Теща явно готовила дочку к вольготной жизни, не связанной с домашними хлопотами. Каждый раз после недельного отсутствия взору Семена представала одна и та же неприглядная картина. Кухня завалена грязной посудой, от мусорного ведра несет зловонием, в спальне валяются фантики от конфет, шариковые ручки и некоторые предметы из гардероба жены. Семен сам безропотно устраивал тотальную уборку квартиры. Отмывал посуду, пряча ее на полочки кухонного шкафчика, напрягал старенькую стиральную машинку, погружая в нее несвежую одежду, ходил по магазинам за съестным. Завтракал в одиночестве: жена отсыпалась после вечернего спектакля. С обедами также не сложилось. Во второй половине дня Людмила либо страдала от головной боли, либо разучивала очередную роль.

Мысль о том, что лучше холостяковать, чем мириться с верховодством любимой, но взбалмошной женщины, давно посещала Сапожникова. Но первым пойти на разрыв он не решался. Людмила помогла ему это сделать. Поздно ночью явилась после очередного спектакля, по-хозяйски включила свет, да еще и пьяновато прошипела: «Хорош дрыхнуть, чаю хочу». Оторвав голову от подушки, Семен пристально взглянул на нее и в сердцах предложил разбежаться, чтобы не мучить друг друга. Он и сам не ожидал от себя такого спокойствия и делового тона. Людмила устала на него, будто узрела птеродактиля, вскрикнула и повалилась на ковер. Привыкший к выкрутасам жены, Сапожников долго рассматривал ее неподвижное тело, пока до него не дошло, что это не очередная эффектная сцена из какого-то дурацкого спектакля, а натуральный обморок. Взлетев с кровати, устремился на кухню, где в одном из шкафчиков хранился нашатырь. Когда вернулся в спальню, Людмила лежала на кровати и смеялась. Сначала тихонько, прикрыв ладошкой рот, а затем до того развеселилась, что стала похрюкивать, как поросенок. Поняв, что его ловко провели, Сапожников швырнул ненужный нашатырь в супругу, но та успела спрятаться под одеялом.

– Бросить решил? Не выйдет. Я уйду, когда захочу. Ты – большой теленок, жуи травку и не возникай.

Сапожников удалился в прихожую. Машинально набросил на плечи ветровку, втиснул ноги в разношенные туфли, осторожно закрыл дверь. Мама его ни о чем не спросила, только покачала головой. Провела в комнатку, знакомую до мелочей, тяжело вздохнула и ушла, не произнеся ни слова. Детская. Волшебное слово. Такое же сладкое, как конфеты «Золотой ключик». Деревянная кровать, которую ему купили на вырост. Метр девяносто в длину. Мама

хотела поменьше, но отец настоял. Деревянная кособокая этажерка, забитая детскими книжками и учебниками. На стене – карта мира, которую он любил разглядывать, мечтая о дальних путешествиях. Все вещи остались на своих местах, будто родители заранее знали, что хозяин вернется. Мама, как и сватья, не одобряла скоропалительный брак, считала Людмилу избалованной, предупредила, что он с нею наплачется. Он только пожал плечами. Любая женщина, родившая и воспитавшая сына, помимо своей воли ревнует его к новоиспеченной невестке. Ей кажется, что никто не будет холить и лелеять ее дитя, которое, несмотря на ботинки сорок пятого размера, так и не доросло до взрослой жизни.

Сапожников сел на кровать, обхватив голову руками, предался горестным размышлениям. Поймал себя на мысли, что упорно изыскивает оправдания поступку жены. Кто он такой, чтобы осуждать ее? В газетах бурильщиков называют разведчиками недр. Смешно. Точно также можно сказать, что швеи – созидательницы нового облика людей. Вся его разведка – по большей части бурение эксплуатационных скважин, когда заранее известно, с какими пластами придется столкнуться. А Людмила – актриса, человек творческий, ранимый и тотально зависимый от главрежа.

Семен вспомнил тестя. Классный мужик, до выхода на пенсию много лет проработал геологом, о подземном содержимом полуострова знал не понаслышке. Они часами увлеченно обсуждали, сколько питьевой воды можно добыть в том или ином районе Крыма. В отличие от тещи, рассматривающей зятя как ловкача, испепелившего артистическое сердце любимой дочурки, тесть воспринимал закидоны супруги философски: пусть морочит мозги ему, но только не зятю.

Сапожников обычно встречался с папашей Людмилы по субботам в парке возле кинотеатра «Симферополь» в двенадцать часов. Сходки напоминали явки шпиона со связным. Тесть делился последними семейными новостями. Однажды, пряча глаза, посетовал:

– Не обижайся, но Людмила – не твой уровень. Не в том смысле, что ты ее не достоин. Скорее, наоборот.

***

Весь день торчать в квартире не хотелось. Почему бы не прошвырнуться по городу? Облчившись в старые джинсы и выдавшую виды рубашку, выдвинул из прикроватной тумбочки маленький ящик, служивший хранилищем семейной казны. Ни копейки. В этот раз Людмила превзошла саму себя. А ведь в театре получала куда меньше, чем муж, могла бы оставить пару рубликов на развод. Придется занять у соседа.

Дверной звонок не работал, пришлось стучать кулаком, однако дверь, обитая малиновым кожзаменителем, под которым угадывалась пухлая войлочная подкладка, на удары никак не реагировала. Разозлившись, пару раз саданул в нее ногой. Помогло: дверной глазок потемнел. Сапожников бесцеремонно закрыл его ладонью. Дверь распахнулась, перед ним предстала соседка. Она, похоже, готовила блины: передник в муке, на носу – слегка подсохшая капля теста.

– Мне бы супруга вашего, Оленька, на минутку, – неожиданно для себя залюбезничал Сапожников. – Тет-а-тет, как говорится.

– Соскучились, Семен Николаевич? – ехидненько посмотрела на него снизу вверх Ольга.

Сапожников смутился. Ольга его по имени-отчеству никогда не величала. Она пристально посмотрела на сковородку, которую в спешке прихватила с собой, ультимативно заявила:

– Ничего тебе не обломится.

– В смысле? – не понял Сапожников.

– Твоя выдра разбудила в шесть утра. Сказала, что если займу хотя бы рубль, отомстит. Людку давно знаю, с нее станется. Разбирайся с нею сам.

Дверь захлопнулась. Семен вернулся в свою квартиру. С пустым кошельком в городе делать нечего. Сняв трубку, набрал номер Кирилла Нефедова. Тот жил в частном секторе, в полчасе ходьбы пешком. Кирыч тоже работал бурильщиком, на хиловатой установке, созданной на базе вездехода ЗИЛ-131, сто метров бурения для нее потолок. Парни познакомились в «Угаре», откуда бригады развозили на вахтовках по буровым точкам, разбросанным по всему Крыму. После окончания курсов Сапожников впервые отправлялся в поле в новом статусе. К нему подошел парень лет тридцати: добродушное лицо с широкими скулами, карие глаза, тонкие губы, свидетельствующие о жестком характере.

– Слышал, едешь менять Лохматого. Будь с ним аккуратней, особо не выпендривайся. Он племянник главного геолога. Будешь борзеть, в два счета из «Угара» выпрут. Если не за пьянку, так за предпосылку к аварии.

– Он что, молочком и квасом пробавляется?

– Тоже мне остряк-самоучка, – не поддержал иронию Кирыч. – На буровых пьют все, включая водителей. Но трезвенники иной раз попадаются. Мой сменщик, например, добровольно закодировался. Теперь в вагончике по вечерам над спицами колдует. Кстати, связал мне классный свитер с рисунком. Тигр как живой. Того и гляди укусит.

С той поры, встречаясь на базе, Сапожников и Кирилл обменивались новостями, обсуждали тонкости ремесла. Кирыч, проработавший бурильщиком дольше Семена, не скупился на дельные советы. Больше всего Семену нравилось, что новый приятель не относился к нему покровительственно, считал ровней.

Трубку взяла мама Кирилла, раздраженно сообщила, что он с утра куда-то умотал, неизвестно, когда вернется. Оставалась слабая надежда встретить в городе знакомых. Одалживаться Сапожников не любил, но сегодня моральными принципами придется пренебречь.

Выйдя из хрущевки, Сапожников понуро побрел к троллейбусной остановке. Издалека заметил приближающуюся блондинку в белой расклешенной юбке чуть выше колен и черной блузке с короткими рукавами. На плече сумочка. Когда подкатил рогатый транспорт, девушка уселась возле окна. Он примостился рядом. Незнакомка извлекла из сумочки книгу в красном переплете, углубилась в чтение. Сапожников, повернувшись к окну, скучающе разглядывал серые пятиэтажки, лишённые какого-либо намека на архитектурные излишества, озабоченных старушек, спящих с авоськами по улицам, весело щебечущих девчонок, передвигающихся стайками, и думал, что будь его воля, запретил бы читать в общественном транспорте. Это явное неуважение к пассажирам, вынужденным коротать время в праздных размышлениях. Да и читать во время движения вредно для глаз. Семен покосился на книгу. Незнакомка передвинула ее поближе к соседу, молчаливо приглашая оценить текст. Пробежав глазами несколько строчек, Семен нахмурился. «Каждая из этих партий стремилась к разрешению так искренне и серьезно, а под конец отказывалась от него с такой благородной самоотверженностью, что была как бы совершенной элегией на неотъемлемую от всего прекрасного бренность и на неотъемлемую в конечном счете от всех высоких духовных целей сомнительность». Мда, элегия на бренность и сомнительность. Замутил автор, что и говорить. Сам-то понял, что написал? Семен с недоумением покосился на соседку, неужели ей нравится это зубодробительное чтиво? Мозги опухнут, пока до конца книги доберешься. Незнакомка, заметив его взгляд, оборотительно улыбнулась, на ее щеках появились небольшие ямочки.

– Называется «Игра в бисер», – пояснила она. – Советую.

Сапожников не сразу нашелся с ответом. Объяснять девушке, что чрезмерное умствование далеко не всегда свидетельствует о таланте автора, поостерегся, еще обидится, а ему не хотелось, чтобы знакомство пресеклось, не начавшись. Да и не мастер он вести философские беседы, на этом поле вчистую проиграет. Если бы речь зашла о буровых коронках, он бы

любому мозги вправил. Не придумало человечество ничего лучшего, кроме этих приспособлений, простецких и полезных. Тот, кто начнет возражать, пусть для начала выроет колодец глубиной двадцать-тридцать метров. Вроде плевое дело, махай лопатой или киркой, складывай грунт в спущенную сверху бадью. Но что делать, если после глины обнаружится песок, насквозь пропитанный подземными водами? Чем интенсивнее начнешь его выгребать, тем быстрее он будет обрушаться. При бурении скважин в таких случаях используют бентонитовую глину. Когда ее разводят в воде, она разбухает и превращается в густую сметану. Закачай в скважину и никакие обвалы и пльвуны уже не грозят. Представив гипотетический монолог об особенностях бурения, Сапожников поневоле улыбнулся. Если незнакомка предпочитает играть в бисер, вряд ли ее заинтересуют его рассказы. Лучше порассуждать о случайных встречах, которые на поверку оказываются predetermined. Вспомнив Людмилу, он помрачнел. Лучше придумать какую-нибудь слезоточивую историю, не факт, что такая рассудительная девушка в нее поверит, но если он потерпит фиаско, не станет сожалеть, что упустил шанс. Незнакомка, вероятно, оценила его молчание, как нежелание продолжать разговор. Насупилась, спрятала книгу в сумочку, выпрямилась, будто хотела продемонстрировать, что случайный собеседник ей не интересен.

Троллейбус начал притормаживать.

– Не выходите? – вежливо поинтересовалась соседка.

Сапожников первым сошел на тротуар и подал ей руку. Девушка приняла помощь с некоторым колебанием, что не ускользнуло от него.

– Бойтесь? – усмехнулся Семен.

– Да нет, что вы, – горячо запротестовала девушка, но румянец коварно пробился сквозь загар на лице.

– Понимаю, – печально произнес Сапожников, грустно посмотрел поверх ее головы, как бы прощаясь с исчезающим в голубой дымке самолетом, в уютном салоне которого ему не нашлось места. – Пойдемте, расскажу о себе.

Взяв незнакомку за руку, решительно повлек за собой. Так закопченный буксир выводит в открытое море океанский лайнер из порта. Приведя девушку к уединенной скамейке, укрытой от палящего солнца тенью деревьев, рухнул на нее, будто подкосились ноги, жестом предложил расположиться чуть поодаль.

– Считаете, что от меня лучше держаться подальше, – патетически проговорил Семен, изобразив отчаяние. Совместная жизнь с актрисой не прошла даром. Сапожников позаимствовал из ее нехилого арсенала умение перевоплощаться, без труда осваивая на ходу придуманную роль. Девушка попыталась запротестовать, но Семен поднял руки, давая понять, что опровержения излишни.

– Вы правы. У меня нет ни копейки, я нищий! – трагически провозгласил Семен, поймав себя на мысли, что играет также плохо, как и его жена. Было бы здорово устроиться в ее театр, чтобы, встречаясь на сцене, гневно вопрошать: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?». Он инженер, работает в Тюмени, в поте лица добывает черное золото. В Евпаторию приехал по служебным делам. За неделю управился, перед отъездом решил искупаться в море. Приехал на электричке на дикий пляж «Солнышко». Разделся, аккуратно сложил вещички на песок. Любовь к плаванию сыграла злую шутку. Вернувшись, не обнаружил ни вещей, ни бумажника. Только кроссовки и документы.

– А как же соседи? – разволновалась девушка.

Сапожников покровительственно улыбнулся, скрестил на груди руки, как бы призывая к благоразумию.

– В таких случаях каждый наособицу, связываться с милицией себе в убыток. Туристы с автостоянки выручили, подарили вот эти джинсы и рубашку. Приехал зайцем в Симферополь, с главпочтамта дал телеграмму, чтобы прислали денег. Буду ждать.

– А где ваши родители живут? – внезапно поинтересовалась девушка.

– В Москве, – брякнул Сапожников и сообразил, что беседа начинает принимать нежелательный оборот.

– Как интересно! – оживилась девушка. – А где именно? Я в Литературном институте учусь. Он недалеко от памятника Пушкину, на Тверском бульваре.

Сапожников тяжело вздохнул. В Москве был один раз, проездом. Во Владимир к армейскому другу катался. Приехал на Курский вокзал, спустился в метро и перебрался на Казанский. Вот и все путешествие по столице.

– На Садовом кольце, – сказал Семен, вспомнив, что эта круговая трасса опоясывает центр столицы.

– Повезло, – с легкой завистью произнесла девушка. – Прямо в центре. Знаете что! – с воодушевлением воскликнула она. Выхватив из сумочки кошелек, извлекла две красненьких десятишки, протянула Сапожникову.

Тот сконфузился, на такой щедрый улов не рассчитывал. Демонстративно обиделся, изобразив глубочайшее презрение к ничтожным бумажкам.

– Берите, берите, – проговорила девушка. – К родителям погостить приедете, вернете. Или пришлете. Я свой адрес оставляю.

Она торопливо извлекла из сумочки шариковую ручку и блокнот. Почерк безупречный, буквка к буквке, будто занималась на курсах каллиграфии, отметил Сапожников.

– Извините, меня дедушка ждет. Счастливо добраться до Тюмени.

Посмотрев ей вслед, Сапожников грустно уставился на червонцы. Взглянул на листок. Наташа Верочкина. Спрашивается, почему не спросил, где обитает дедушка? Впрочем, что мешает скататься в Москву? В октябре в институте начнутся занятия. Приедет с охапкой цветов, весь из себя офигенный нефтяник, сводит ее в какой-нибудь ресторан. Воображаемая картина внезапно поблекла. Размечтался. Как же есть хочется, кишки вот-вот к хребту прилипнут.

В столовой неприкаянно царили запахи чего-то не вполне съедобного. Заплатив за комплексный обед, Семен подхватил поднос и направился к столику возле окна. Он любил во время приема пищи разглядывать прохожих на улице, встречаясь с любопытными взглядами шествующих мимо девчонок, подмигивать им. Чаще всего, они хихикали и отворачивались, но это его не смущало и не отражалось на аппетите. В бульоне сиротливо плавали две половинки вареного яйца. Сапожников недовольно поморщился: фу ты, ну ты, забыл прихватить столовые приборы. Направился к алюминиевому коробу, в котором лежали вилки и ложки. На подходе нос к носу столкнулся с негром, который обеими руками держал перед собой поднос. Тот накренился, первое совместно со вторым и компотом из сухофруктов переместились на джинсы Сапожникова. Звон посуды, разлетевшейся вдребезги после столкновения с бетоном, и ругательства, которыми разразился Семен, прозвучали одновременно. Он бы изувечил мавра, но подоспевшие на шум работницы общепита обступили его со всех сторон.

– В чем я домой пойду? – гневно вопрошал Сапожников женщин.

Гость из Африки, жалко съездившись, будто ему на плечи взвалили мешок с песком, что-то быстро лопотал. Единственное слово, не требующее перевода, звучало по-французски: «Пардон».

Чем дальше негр извинялся, тем сильнее Сапожникову хотелось заехать ему в ухо. Спрашивается, с какой стати этот худосочный представитель африканского племени заявился в Крым, не удосужившись выучить несколько русских слов? И какого черта оказался в Симферополе? Вспомнив, что в селе Перевальное, недалеко от города, находится танковая часть, где обучают африканских военных, Сапожников присмирел. Да и в медицинском институте, помимо крымчан, учатся и негры, и азиаты. В отличие от советских граждан, за учебу платят валютой.

– Послушайте, – всплеснув руками, воскликнула одна из женщин. – Мы ваши вещички простирнем. Возле плиты мигом высохнут.

– Я в трусах есть буду? – набычился Семен.

– Халат выделим.

Сапожников для приличия поломался. Ехать домой в мокрых штанах ему не хотелось, прохожие невесть что подумают. В подсобке стащил липкие джинсы и рубашку, облачился в белый халат.

– Вылитый хирург, – хихикнула женщина.

Комплимент подействовал. Сапожников, взглянув на труженицу общепита, отметил, что она миловидна. Выходя из подсобки, Семен невольно притормозил возле запотевшего зеркала. В голубовато-белом, ломком от крахмала халате, приберегаемом, вероятно, для проверяющих, он походил на главврача поликлиники. Солидный, знающий себе цену эскулап. Несколько портили вид длинные волосатые ноги и надетые на босу ногу кроссовки.

Подмигнув кассирше, Сапожников направился к столу, на полпути остановился, потрясенный небывалым зрелищем: его обед невозмутимо поглощал все тот же обнаглевший негр. Расправившись с первым, он принялся за второе. У Семена зачесались кулаки, но прикинув, что в белом халате он как бы представляет не только столовское, но и медицинское братство, пружинисто приблизился к недругу, ласково спросил:

– Кушаем?

Негр, радостно оскалив белоснежные зубы, оживленно задергал головой.

– Вкусно? – умилился Сапожников.

Пришелец из Африки хоть и не понимал, о чем его спрашивает бледнолицый абориген, на всякий случай аппетитно почмокал губами.

Сапожников обошел стол, ухватил парня за шиворот, приподнял и аккуратно понес на улицу. Негр даже не пытался освободиться, лишь беспомощно цеплялся носками штиблет за керамические плитки пола. Перепуганная кассирша молча наблюдала за странным шествием. На улице Сапожников поставил едва не задохнувшегося пленника на асфальт, спокойно заметил: «Здесь тебе не Зимбабве».

Напитать организм жалкими столовскими калориями в этот день Семену так и не удалось. Зайдя в столовую, издавдала узрел, что с эфиопом дал маху. Комплекс, купленный Семёном, никуда не делся, остался в неприкосновенности. Сапожников сгоряча выдернул товарища из Африки из-за соседнего столика. Надо бы вернуть. Семен вышел на улицу, однако негра не обнаружил.

– Сапог!

Семен обернулся. Возле троллейбусной остановки стоял Кирыч.

– Сразу не признал, – обрадовался Кирилл, подходя к Сапожникову. – Зачем в больничный халат нарядился?

– Разве я похож на больного? Читать умеешь?

– И что?

– Посмотри, что написано, – указал Сапожников на вывеску. – «Столовая». Где больницу увидел?

– Так и я о том же, – обиделся Кирыч.

– Я здесь работаю, – кивнул Сапожников на стеклянную дверь за спиной. – Между прочим, трудовому кодексу это не противоречит. Имею право в свободное от основной работы время заниматься чем угодно.

– Кончай заливать, – не поверил Кирыч.

– Мне пополам, веришь или нет, – равнодушно произнес Семен. – Ладно, заболтался, меня люди ждут.

Он сделал вид, будто собирается вернуться в столовую.

– Погоди, – вцепился в руку Кирилл. – В натуре здесь вкальываешь?

– Пока не виделась, ты поглупел.

– А кем?

– Сменным администратором.

– Если не врешь, накорми на халяву.

Кирыч расплылся в улыбке, надеясь, что вывел наглого обманщика на чистую воду.

– Легко, – ответил Сапожников, жестом пригласил приятеля в столовую.

Усадив зубоскала за стол, Семен расположился напротив, подперев ладонью подбородок, с материнским участием наблюдал, как приятель с жадностью уплетает обед, купленный за деньги Наташи Верочкиной. Когда Кирыч приступил к компоту, к столику подошла работница общепита, радостно сообщила:

– Ваши вещи готовы. Можете забрать.

Кирыч поперхнулся компотом, удивленно уставился на Семена.

– Думал, треплешься.

Сапожников осуждающе покачал головой, покровительственно похлопал приятеля по плечу, сказал, что оставляет его, поскольку не может пренебрегать служебными обязанностями. Проследив, куда тот направился, Кирыч впал в прострацию: надо же, пока он в свободное от вахты время валяет дурака, другие бабки заколачивают.

Изнанка аромата

Ровно в семь утра Чернихин, все еще находящийся под впечатлением сна, по рации вызвал базу. Он предпочитал связываться с диспетчером именно в это время, позже эфир засорялся до такой степени, что разобрать голос собеседника удавалось с большим трудом.

– «Плутоний-22», слушаю, – бодро отозвался диспетчер Козленко.

– Сегодня забуримся. Как поняли, прием?

– Вас понял, – ответил Козленко, сочувственно добавил:

– «Плутоний-22», вас ждет «Плутоний-7» в двенадцать часов. Просил прибыть без опозданий. Как поняли?

– Буду в назначенное время, – проговорил Чернихин и выключил рацию.

«Плутоний-7» – начальство. Зачем мастер понадобился руководству управления, причем в срочном порядке, непонятно. Внезапные вызовы на базу ничего хорошего не сулили.

После беседы с начальником городского водоканала Чернихин заглянул во второй кубрик и разбудил Лохматого. Тот моментально проснулся, будто и не было ночных увеселительных художеств. Привалившись спиной к изголовью кровати, спросил:

– Уезжаешь?

– Поставь долото диаметром триста пятнадцать миллиметров, дойди до глубины в шестьдесят метров. Судя по всему, придется устанавливать обсадную колонну. Действуй по обстоятельствам. Без меня обсадку не начинайте.

Чернихин укатил в Симферополь на электричке, а бригада, узнав, что осталась без надзора, возликовала: недурно бы опохмелиться. Лохматый их осадил, сначала дело. Желательно установить буровую в рабочее положение и приступить к работе. Приехал экскаватор, нужно указать, где вырыть зумпф. Экскаваторщик, степенный мужик в замасленном комбинезоне, легко справился с задачей, яма для раствора получилась метра три в глубину.

В предчувствии опохмелки бригада в полном составе работала сноровисто и напористо. Подняли мачту, накрутили на рабочую штангу, имеющую форму квадрата, трехпалое долото, заполнили водой зумпф и включили ротор. Долото, извергая промывочную жидкость, начало медленно погружаться в клумбу, Лохматый приказал помбуре Горелому следить за проходкой. Пока скважина не будет пробурена на восемь метров – длину квадратной штанги – можно не заморачиваться. Главное, чтобы насос беспрестанно нагнетал воду, которая, подхватывая разрушенную породу, выносит ее по желобу в зумпф. Ребята отправились на кухню.

Бурильщик Тювелев зашел в командирский кубрик и включил телевизор. Подгадал удачно, шла программа «В мире животных». Сергей, страстный охотник, жил в селе Много-речье – рукой подать до Ялтинского заповедника. Тювелев в любое время года и без каких-либо разрешений охотился на кабанов, коз и косуль. В стрельбе по бегущим целям преуспел. Меткости обучил дед. Объяснил, что нужна постоянная практика: надо ежедневно брать в руки какую-нибудь палку и мгновенно наводить на цель. «Главное, не утратить мышечный рефлекс, – объяснял дед, браконьер с многолетним стажем. – Никакой меткости от рождения не бывает, нужно постоянно поддерживать себя в форме».

Тювелев, когда появлялась свободная минутка, брал в руки первую попавшую палку, представляя, будто это ружье, «стрелял» из нее навскидку по любой мишени, которая попадалась на глаза. Такие занятия укрепляли руку и развивали глазомер. Дома «В мире животных» не пропускал. Купил детский пистолет, стреляющий пулями на присосках, палил по всему, что появлялось на экране. Тигры, обезьяны, слоны, акулы, гиены, крокодилы, пантеры и прочие экзотические животные на него не обижались. Старался угодить в лоб жертве, когда в объектив камеры попадала ее голова. Чуткий слух достался ему от природы. Осторожные и пугливые шаги косуль слышал издали, пробираясь к животным, старался не задеть ни одной веточки.

Мать свыклась, что холодильник всегда ломился от дичи, даже извела кур. Когда для убоины места в холодильнике не хватало, Тювелев относил ее соседу в обмен на самогон.

Узрев на экране телевизора пантеру, Тювелев схватил отломанную ножку стула, прицелился, нажал на виртуальный спусковой крючок. Самодовольно улыбнулся: если бы в руках был карабин, свалил бы зверюгу с одного выстрела.

– А этот все пуляет, – недовольно проворчал Лохматый, зашедший в кубрик. – Гребни на кухню.

Тювелев нехотя выключил телевизор и направился к буровой.

– Ну как? – спросил Горелого.

– Три метра прошел, дальше ни с места. Минут десять мусолю – хоть бы хны.

Тювелева насторожил звук, издаваемый долотом. Такое впечатление, что оно ерзает по металлу. Зайдя в кухню, сказал Лохматому. Тот отмахнулся:

– Здесь после войны полно железяк, не бери дурное в голову. Глянь, что у нас есть.

Лохматый с гордостью продемонстрировал трехлитровую банку, заполненную янтарно-желтой жидкостью.

– Что это? – озадачился Тювелев.

– Понюхай.

Сняв полиэтиленовую крышку, Тювелев наклонился к банке и в испуге отшатнулся. В ноздри ударил омерзительный ацетоновый запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.